

Вячеслав Петрович ВОЛГИН
СЕН-СИМОН и СЕН-СИМОНИЗМ
М.: издательство Академии Наук СССР. 1961

- Глава 1. Социально-философские идеи Сен-Симона**
Глава 2. Социальное учение раннего сенсимонизма
Глава 3. Последние годы сенсимонистской школы
Библиография

Веб-публикация: библиотека Vive Liberta и Век Просвещения, 2010
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm
<http://enlightment2005.narod.ru/index1.htm>

Ссылки на тематические материалы:

В.Волгин. Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII в. (сборник)

http://enlightment2005.narod.ru/science/volg_soc4.pdf

В.Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin_soc2.pdf

В.Волгин. Революционный коммунист 18 в. Жан Мелье и его "Завещание"

http://narod.ru/disk/10467397000/volgin_meslier.pdf.html

В.Волгин. Французский утопический коммунизм

http://narod.ru/disk/8863360000/volgin_soc1.pdf.html

В.Волгин. Социальные и политические идеи во Франции перед Революцией

<http://enlightment2005.narod.ru/science/volgin5.pdf>

А.Иоаннисян. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции

http://enlightment2005.narod.ru/arc/comm_ioan-1.pdf

В.Волгин. Очерки истории социалистических идей. Первая половина XIX в. – скоро

Материалы, посвященные Сен-Симону

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#st-sim>

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ
ИДЕИ СЕН-СИМОНА

I

Анри де Сен-Симон (1760—1825) стал писателем, когда ему было более сорока лет. К этому времени он прошел уже на своем жизненном пути немало крутых поворотов. В исключительно характерной биографии Сен-Симона нашли свое отражение, иногда в весьма неожиданной форме, все перипетии социального и интеллектуального развития Франции конца XVIII в. Происходя из старой феодальной семьи (до конца дней своих Сен-Симон не забывал, что он состоит в родстве с Карлом Великим), Сен-Симон получил прекрасное воспитание под руководством одного из крупнейших ученых-энциклопедистов — д'Аламбера. Затем последовала обычная для знатного молодого человека того времени военная служба, но в совершенно новой, необычной обстановке американской революции. Так причудливо сплетались в судьбе Сен-Симона старые феодальные традиции с влияниями нового буржуазного мира, контуры которого смутно вырисовываются в литературных

построениях просветителей XVIII в., чтобы затем впервые отчетливо реализоваться на глазах у юного французского офицера в революционной в то время Америке, столь непохожей на феодально-монархическую Францию. О том, с какой восприимчивостью впитывал и как сочетал в себе Сен-Симон эти влияния, можно судить по роившимся в его голове в эту эпоху планам, соединявшим в себе технические замыслы крупного хозяйственного значения с отважностью завоевательной авантюры прошлых веков. Таков был предложенный им мексиканскому вице-королю проект канала, соединяющего Атлантический океан с Тихим, проект, осуществление которого стало возможным лишь в пору наивысшего расцвета капиталистического мира.

Революция 1789 г. увлекает Сен-Симона своей политической стороной лишь в первый момент. Он очень скоро отходит от политической борьбы и со свойственной ему порывистостью берется за новое, весьма доходное в это время дело — за спекуляцию национальными имуществами. Захватывает ли его спекуляция только тем, что она дает ему возможность продолжать широкую барскую жизнь, или его и здесь пленяет размах операций, азарт завоевателя-авантюриста на новом поприще капитализма, сказать трудно. Во всяком случае, в его жизненном опыте отмечается новая грань, отвечающая определенной грани в социальном развитии его эпохи. Барская жизнь, которую он ведет, не есть, однако, жизнь человека, лишенного высоких умствен-

ных интересов. Он пользуется своими средствами, чтобы усваивать путем непосредственного общения с самыми выдающимися умами своего времени высшие достижения научной мысли, пополняя, таким образом, пробелы своего образования.

Этот второй, революционный период жизни Сен-Симона заканчивается его разорением. Частью вследствие ряда внешних условий, частью вследствие полного отсутствия способности копить и сберегать, столь несвойственной его широкой натуре капиталиста-барина, к началу XIX в. Сен-Симон оказывается ничем. Последние двадцать лет своей жизни он живет то случайным заработком, то случайными подачками, то за счет своих друзей. И как раз на это время полуголодного существования падает его литературная деятельность. Сен-Симон был склонен толковать всю свою жизнь до 1802 г. как ряд сознательно продуманных опытов, которые были ему необходимы для того, чтобы с полным пониманием окружающей действительности приступить к построению новой социальной системы. Это, конечно, не так. Но совершенно бесспорно, что эти опыты действительно создали необходимые условия для возникновения его учения, что без них для Сен-Симона было бы невозможно обнаруженное им глубокое понимание жизни общества и задач социальной науки. То новое, что дал Сен-Симон в своих произведениях, что отличает его от социальных мыслителей дореволюционного революционного времени могло воз-

никнуть лишь на основе учета опыта двух величайших переворотов конца XVIII и начала XIX в.: политической революции, потрясшей Францию в 1789—1794 гг. и экономической революции, перестраивавшей на новых капиталистических началах промышленную жизнь передовых европейских стран. Чтобы правильно оценить то и другое, мало было личной одаренности, нужно было непосредственное жизненное соприкосновение с революционными, политическими и экономическими процессами, нужна была широта не только умственного, но и житейски-практического горизонта, которая так сближает Сен-Симона с первым представителем социалистической мысли нового времени — Томасом Мором.

Жизнь Сен-Симона охватывает исключительный по своему содержанию период истории Франции: последние годы феодально-абсолютистского порядка — революцию — империю — реставрацию. Его литературная деятельность началась в 1802 г. («Письма женовского обитателя») и закончилась в 1825 г. («Новое христианство»). Напомним наиболее характерные черты социального развития Франции этого времени.

Французская революция, разрушив феодально-абсолютистский порядок, расчленила путь для свободного развития во Франции капиталистических отношений; социальные и политические условия, задерживавшие их развитие, были революцией устранены. Переворот, конечно, нанес известный ущерб некоторой части старой буржуазии, связанной своими

групповыми интересами с господствовавшим классом старого порядка, со старым государственным аппаратом, с королевским двором. В период якобинской диктатуры многие представители буржуазии серьезно пострадали от принудительных займов, от реквизиций, от отдельных актов нарушения собственности, от связанного с военным положением застоя в делах и т. д. Но зато за время революции многим удалось составить себе целые состояния путем покупки и перепродажи национальных имуществ, путем поставок на армию и всевозможных темных финансовых операций. Наряду со старыми капиталистами появились новые, по размерам капиталов далеко оставившие за собой старых. Накопление капиталов продолжалось, несомненно, даже во время Конвента/ После 9 термидора, сбросив начавшую стеснять их якобинскую диктатуру, капиталисты смело выступили на сцену как настоящие «хозяева» Франции. Ко времени захвата власти Наполеоном буржуазия, освобожденная от пут феодально-абсолютистского порядка, оттеснившая на задний план дворянство, пережившая более или менее благополучно время «террора», вознаградившая себя за пережитые тревоги материальными наградами, представляла собой господствующий класс в полном смысле этого слова.

По своему значению для будущих судеб Франции одним из самых крупных достижений Французской буржуазной революции было перераспределение земельной собственности, явившееся результатом продажи так

называемых национальных имуществ, т. е. земель церкви и эмигрировавшего дворянства. Этот акт, вызванный непосредственно финансовыми соображениями, был совершенно необходим в общих интересах революции. Победа третьего сословия была бы не полна и не прочна, если бы ее не закрепило перемещение собственности из рук привилегированных в руки буржуазии и крестьянства. Наноса удар привилегированному землевладению, это мероприятие подрывало экономические позиции старого господствующего класса. С другой стороны, переход земли в руки непривилегированных, сопровождаемый освобождением земли от феодальных уз, создавал большой слой мелких земельных собственников, кровно заинтересованных в защите завоеваний революции. Старые владельцы отнюдь не были склонны забыть о своих «священных» правах. Их объединяющими центрами были эмигрантские организации, главным их средством действия — иноземная интервенция. Это своеобразное положение не в малой степени содействовало установлению новой, наполеоновской монархии. Приобретатели земли, удовлетворенные революцией, мечтали не об углублении революции, а о внутреннем спокойствии, о «порядке», который обеспечил бы им надлежащее использование их новой собственности. К «порядку» стремилась и буржуазия, напуганная брожением в плебейских массах, разочарованных результатами революции. Такого порядка не могла дать старая монархия, возвращение которой представляло бы угрозу

при завоеваниях революции; оно сопровождалось бы, без сомнения, возвращением эмигрантов, старого господствующего класса и старых собственников земли, за которую ее покупатели уже заплатили сполна. Следовательно, нужно было создать новую власть. А так как власть должна была опираться на силу, то естественным претендентом на нее явился человек, располагавший единственной дисциплинированной силой того времени — победоносной армией.

Время правления Наполеона было временем относительно быстрого роста французской капиталистической промышленности. Франция вслед за Англией вступает на путь промышленной революции. В ряде отраслей производства, в первую очередь в хлопчатобумажном производстве, происходит вытеснение ручного труда машиной, вытеснение мелких мастерских фабрикой, соединение некогда изолированных рабочих в фабричных казармах. Число рабочих, занятых в капиталистической промышленности, увеличивается. Их низкая заработная плата, их нищенские условия существования, рост применения женского и детского труда, брожение в рабочей среде все больше привлекают к себе общественное внимание.

Экономическая политика Консульства и Империи неизбежно должна была служить и действительно служила интересам господствующего класса. Правительство Наполеона всячески поощряло развитие капиталистической промышленности. Чтобы обеспечить

соответствие правительственных мероприятий интересам капитализма, была создана система промышленных и торговых палат, состоявших из представителей торгово-промышленного класса и связанных с генеральным советом при правительстве; последний обязан был концентрировать и обсуждать все предложения и требования, исходившие от этих своеобразных представительных органов буржуазной верхушки. Правительство содействовало внедрению в производство новых машин, стремилось оградить отечественных промышленников от английской конкуренции, обеспечить им рынок сбыта. Высшим проявлением этой политики была континентальная блокада.

Наполеон пришел к власти и держался у власти, опираясь на буржуазию и крестьянство. Но в последние годы его правления в отношении к нему буржуазии и крестьянства чувствовались некоторые колебания, весьма опасные для прочности наполеоновской монархии. Политика Наполеона не дала тех результатов, на достижение которых она была рассчитана. Многолетняя война с Англией повлекла за собой почти полное прекращение морской торговли Франции и фактическую утрату Францией ее колоний. Войны Наполеона истощили французские финансы. Континентальная блокада не привела к повышению французского экспорта; наоборот, в результате общей экономической депрессии спрос на продукты французской промышленности упал. В 1811 г. разразился кризис, который, согласно официальному отчету, был вызван недо-

статком сырых материалов вследствие прекращения морских сношений и сокращения рынка, особенно заграничного. Эти печальные итоги резко охладили отношение буржуазии к императорскому режиму. Буржуазии нужен был мир и восстановление торговых сношений. Если Наполеон этому мешал, она готова была дать ему расчет, как дают расчет неумелому приказчику. Аналогичный поворот намечался в последние годы империи и в настроениях крестьянства, главным образом под влиянием непосильных тягот, которые возлагала на него внешняя политика императора. Ежегодные labors, громадные жертвы людьми начали вызывать в деревне глухое, но тем не менее отмеченное современниками недовольство. Корни империи были уже расшатаны, когда военное поражение нанесло ей окончательный удар и восстановило на французском престоле династию Бурбонов.

Реставрация вернула к власти дворянство; лишь в той мере, в какой власть не могла пренебрегать крупными успехами, достигнутыми капитализмом, дворянство было вынуждено сделать некоторые уступки буржуазии: политические, допуская верхи буржуазии к избирательным урнам, и экономические, обеспечивая ее хозяйственные интересы. Несмотря на эти вынужденные компромиссы, правительство Реставрации было правительством феодальной реакции, и буржуазия относилась к нему именно как к таковому. Между тем капиталистическое развитие Франции в эпоху Реставрации шло в нарастающих темпах, и

экономические позиции буржуазии укреплялись. Именно в этот период получил во Франции широкое распространение паровой двигатель: увеличилось потребление каменного угля, больших успехов достигла металлургия. С ростом экономической мощи буржуазии росли ее политические притязания. Но уроки революции 1789—1794 гг. излечили буржуазию от ее республиканских увлечений. Буржуазия довольствуется теперь скромным идеалом буржуазной монархии, обеспечивающей буржуазный «порядок» и от покушений феодальной реакции и от революционных попыток растущего вместе с капиталистической индустрией пролетариата.

Переход к машинной технике вытесняет в ряды пролетариата все новые группы мелких ремесленников и занятых в рассеянной мануфактуре крестьян. Промышленность не успевает их поглощать, и безработица — хроническое явление уже и в эту эпоху. Но пролетариат еще не проявляет самостоятельной политической активности. Лишь иногда он стихийно поднимается с протестом против машин или против голодной заработной платы. Только тонкий слой рабочих, преимущественно парижских, как будто хранит неясные революционные традиции. Тем не менее наряду с умеренной либерально-буржуазной оппозицией эпоха Реставрации знает и революционные тайные общества. Их члены вербуются по преимуществу из рядов мелкой буржуазии, их программа не идет дальше буржуазной демократии.

Между либеральной оппозицией и революционными республиканскими группами распределяется политически активная часть интеллигенции. В составе интеллигенции с развитием капиталистической промышленности происходят известные изменения. В ее среде растет удельный вес той ее части, которая занята в промышленных предприятиях и в кредитных учреждениях. Верхи интеллигенции — преуспевающие инженеры, крупные банковские служащие, тесно спаянные своими интересами с интересами предприятий, в которых они служат, — идеологически неизбежно тяготеют к миру крупной буржуазии. Особенности их положения, их групповых настроений вносят некоторые своеобразные оттенки в их идеологию. Но в основе своей она остается буржуазной. На противоположном полюсе находится та часть интеллигенции, которая не сумела или не успела пристроиться. Необеспеченность материального положения, неудовлетворенность, неуверенность в завтрашнем дне питают в этих группах революционные настроения. Студенчество и демократическая интеллигенция задают основной тон в тайных обществах эпохи Реставрации. В большинстве своем эти группы стоят на почве буржуазной демократии. Но в этих низах интеллигенции имеются некоторые предпосылки и для возникновения социалистической идеологии. Близость к пролетариату по бытовым условиям, соприкосновение с представителями рабочего класса в непосредственной жизни и в политической борьбе не может не толкать мысль в направлении социализма.

Таковы были социальные отношения в ту эпоху, когда выработывалась система Сен-Симона и складывалась его школа.

II

Если мы не можем верить Сен-Симону, когда он объясняет все перипетии своей карьеры заранее поставленной общей жизненной задачей, то, вступая сорока двух лет на путь литературной деятельности, он, несомненно, такую общую задачу себе ставил. Это была задача создания новой философии, новой энциклопедии, которая должна была дать на основе всех приобретений отдельных точных наук широкое обобщение положительного характера — в отличие от Энциклопедии XVIII в., ставившей перед собой, по мнению Сен-Симона, чисто отрицательную задачу: не создание новой системы, а разрушение старой. Центральное место в этой философии должна занимать, полагал Сен-Симон, наука о человеке, социальная наука, которая должна, подобно физике, химии и астрономии, стать наукой «позитивной», основанной на наблюдениях и фактах. Но философия у Сен-Симона не есть лишь высшее теоретическое обобщение, она является в то же время и практическим руководителем, организация философии — организация жизни. В сущности философия интересуется Сен-Симона именно в этом своем втором качестве, новая философская система создается им как основа для новой системы общественных отношений. Учение Сен-Симона про-

никнуто активностью в самой высокой мере, пассивная созерцательность ему совершенно чужда.

Эту связь философии с жизнью отнюдь не следует понимать так, как понимали ее французские рационалисты XVIII в. Для них было характерно противопоставление существующего строя строю разумному, естественному. Задачу общественной философии они видели в том, чтобы открыть вечные и неизменные законы этого естественного строя. С их открытием в жизни общества должен воцариться разум, господство которого сменит господство невежества, неразумия. Вся эта концепция Сен-Симону совершенно чужда. Все общественные институты — и собственность, и политическое устройство, и даже религия — имеют, по его мнению, лишь относительное, историческое значение. Учение Сен-Симона не знает общественного строя, естественного для человека вообще, вне условий времени и пространства. Учение Сен-Симона не знает и резкого разрыва между неразумием настоящего и прошедшего и разумом грядущего. Но зато оно знает и последовательно развивает лишь слегка намеченную рационалистами XVIII века идею закономерности общественного развития, идею, закрепленную опытом революционных десятилетий и освященную великими достижениями естественных наук.

Идея закономерности — основной стержень системы Сен-Симона. Детерминизм — руководящий принцип научной методологии, совершенно бесспорный в области наук физических.

Сен-Симон настаивает, что этот принцип должен быть перенесен и в область истории, если она хочет быть наукой. Существует закон жизни человечества, который может быть установлен научно и знание которого дает возможность предвидения в области явлений социальных, как в области явлений физических. Этот высший закон все увлекает и над всем господствует. Люди для него только орудия. Хотя он действует через людей, но не в их власти уклониться от его влияния или овладеть его действием. Новая система общественных отношений, которую возвещает Сен-Симон, не есть, следовательно, как то было у рационалистов, система, отвечающая вечным требованиям разума; она — необходимое следствие и естественное продолжение всей прошлой истории¹. Она должна осуществиться в силу самого хода событий². «Будущее слагается из последних членов ряда, в котором первые члены составляют прошлое»³. Цель истории как науки и состоит в том, чтобы дать человечеству возможность от того, что произошло, заключать о том, что будет. История остается нагромождением груды фактов, пока эти факты не связаны теорией, устанавливающей порядок их последовательности⁴.

В закономерном историческом процессе

¹ H. de Saint-Simon. *Oeuvres choisies*, III. Bruxelles, 1859, 191. *Catéchisme des industriels*.

² *Ibid.*, II, 379. *Extraits de l'Organisateur*.

³ *Ibid.*, 132. *Memoire sur la science de l'homme*.

⁴ *Ibid.*, III, 217—218. *Opinions littéraires, philosophique et industrielles*; II, 190. *Sur la gravitation universelle*.

философские системы занимают вполне определенное и весьма важное место. Философия каждой исторической эпохи определяет ее социальную и политическую систему. «Основная задача философов заключается в том, чтобы постигнуть наилучшую для данной эпохи систему общественного устройства, чтобы побудить управляемых и правящих принять ее, чтобы усовершенствовать эту систему, поскольку она способна к совершенствованию, чтобы низвергнуть ее, когда она достигнет высшей степени своего совершенства, — низвергнуть и построить вместо нее новую при помощи материалов, собранных учеными специалистами в каждой отдельной области»⁵. В приведенных словах в сжатой форме выражен ряд мыслей, чрезвычайно характерных для исторической теории Сен-Симона. Эта историческая теория — теория явно идеалистическая. В ней правят миром философские идеи, имеющие своей основой достижения отдельных наук, следовательно, достижения человеческого разума. Философия не есть нечто единое, всегда себе равное. Философия развивается, и в ее рамках развивается жизнь. Каждая данная философская система возникает не случайно в голове того или иного случайного гениального мыслителя. Она возникает закономерно на основе успехов наук и потребностей общества. Философ не выдумывает ее, а постигает. Постигнутая, она усваивается обществом как наилучшая для данной эпохи, суще-

⁵ Saint-Simon. *Oeuvres choisies*, III, 217—218. *Opinions littéraires etc.*

ствуем, пока общество может в ее рамках развиваться, затем разрушается, чтобы дать место новой философии, соответствующей новому уровню знаний, новой эпохе.

В подтверждение того, что философско-историческая система Сен-Симона должна быть отнесена к числу идеалистических, можно привести цитаты из произведений Сен-Симона. всех периодов его литературной деятельности. Политические системы возникают, по Сен-Симону, не случайно, а в силу закона прогресса человеческого разума⁶. Поэтому устойчивым порядком может быть только порядок, согласный с состоянием просвещения⁷. Состоянием просвещения определяются пределы власти и возможных ее достижений⁸. Средневековую теологическую и феодальную систему создали и ввели в жизнь философы, предварительно разрушившие старую систему, в свое время также созданную античными, греческими и римскими философами⁹. Необходимы средства для создания всякой новой общественной системы дает прогресс знаний¹⁰. Таким образом, господство военных в свое время было необходимо в силу низкого интеллектуального развития европейцев и в силу прогресса знаний перестало быть необходимым¹¹. Подобного рода замечаний можно

⁶ Saint-Simon. Oeuvres choisies, III, 379. Nouveau christianisme.

⁷ Ibid., III, 102. Du système industriel.

⁸ Ibid., III, 125. Catéchisme des industriels.

⁹ Ibid., III, 218. Opinions littéraires etc.

¹⁰ Ibid., 252.

¹¹ Ibid., 277—278.

найти у Сен-Симона сколько угодно, и все они составляют в совокупности последовательную, продуманную идеалистическую систему. С этим же рядом положений связана та высокая оценка, какую дает Сен-Симон исторической роли духовной власти.

Правда, наряду с этим мы встречаем иногда фразы и обороты, дававшие некоторым исследователям повод причислять Сен-Симона к первым провозвестникам материалистического понимания истории. Так, выясняя причины упадка значения старой военной знати и роста авторитета промышленников, Сен-Симон связывает эти явления с перемещением собственности и с переходом руководящих функций в производстве из рук первых в руки вторых. Перемещение собственности он, в свою очередь, объясняет чисто хозяйственными причинами¹². Он утверждает, что организация собственности составляет фундамент социального здания, тогда как организация правительства является лишь его формой. Основную причину Французской буржуазной революции он видит в изменении соотношения общественных сил как в результате интеллектуального прогресса, так и в результате прогресса экономического¹³. И тем не менее все эти положения не дают основания говорить о материализме концепции Сен-Симона. Само хозяйственное развитие всегда

¹² Saint-Simon. Du système industriel. Paris, 1822, p. 47.

¹³ Эта мысль повторяется много раз. Напр., «Du système industriel», p. 50—51.

та ступень цивилизации, на которой стояла древний Египет с его пирамидами. В юношеском возрасте у человека является склонность к изящным искусствам: всякий молодой человек пробует свои силы либо в поэзии, либо в музыке, либо в живописи. Той же склонностью отличались древние греки. Вступая в период физической зрелости, человек пробует свои силы, определяет их пределы в борьбе с природой. Аналогию этому периоду составляет римская цивилизация. Затем деятельность человека становится медленнее, но правильнее, воображение слабеет и растут силы рассудительности. То же переживает последовательно и человечество¹⁶.

Каждая новая общественная система, сменяя систему устаревшую, составляет некоторый шаг вперед в развитии общества. Это развитие мыслится Сен-Симоном как аналогичное развитию человеческого организма. «Общество человеческое, подобно человеку, с момента своего возникновения совершенствуется, достигая в конце концов зрелости»¹⁵. В первом периоде детства все сосредоточено на еде, все силы направлены на добывание пищи; добывание пищи является главным занятием народов, стоящих на первой ступени цивилизации. В следующем периоде детства ребенок начинает увлекаться ремеслами: он охотно возводит каменные насыпи, прорывает каналы и т. п. Этому периоду соответствует

та ступень цивилизации, на которой стояла древний Египет с его пирамидами. В юношеском возрасте у человека является склонность к изящным искусствам: всякий молодой человек пробует свои силы либо в поэзии, либо в музыке, либо в живописи. Той же склонностью отличались древние греки. Вступая в период физической зрелости, человек пробует свои силы, определяет их пределы в борьбе с природой. Аналогию этому периоду составляет римская цивилизация. Затем деятельность человека становится медленнее, но правильнее, воображение слабеет и растут силы рассудительности. То же переживает последовательно и человечество¹⁶.

Исторической теории Сен-Симона не чужды известные черты диалектики. Процесс совершенствования общества, медленный и равномерный, прерывается в определенные моменты бурными кризисами, свойственными также и процессу развития индивидуума. Мы уже знаем, чем эти кризисы вызываются. Общественная система до известного момента отвечает состоянию человеческих знаний, цивилизации, в ее пределах человечество может развиваться. Поскольку это так, система существует и совершенствуется. Но затем: человечество ее перерастает, между ее основами и состоянием цивилизации образуется разрыв — наступает период критики, разрушения системы, за которым следует период

¹⁴ Особенно отчетливо в «Opinions littéraires, philosophiques et industrielles». (1825). Oeuvres choisies, III, 232—240.

¹⁵ Saint-Simon. Oeuvres choisies, III, 261 et suiv., а также в «Mémoires», — passim.

¹⁶ Ibid, II, 105—107. Memoire sur la science de l'homme.

построения нового здания, соответствующего более высокому уровню, достигнутому цивилизацией. В политическом организме, говорит Сен-Симон, всегда существуют совместно два момента: пережитки угасающего прошлого и зародыши восходящего будущего. Анализ настоящего, взятого изолированно, может дать только очень поверхностные или даже совершенно ложные выводы в результате смешения этих двух моментов.

Своим изображением роста человечества как процесса, аналогичного росту человека, Сен-Симон напоминает Руссо. Но от Руссо Сен-Симон отличается своим оптимизмом. Для Руссо золотой век был позади, современное человечество, по его мнению, переживает период старческого одряхления. Сен-Симон горячо протестует против этой идеи. «Золотой век, — говорит он, — который слепое предание относило до сих пор к прошлому, находится впереди нас»¹⁷. Золотой век принесет человечеству совершенство социального строя. Нам его не видать, но дети наши когда-нибудь в него войдут, а мы должны проложить к нему путь. Человечество, таким образом, не регрессирует, но прогрессирует. Оно вступает сейчас в свой зрелый возраст¹⁸. По-видимому, вопреки аналогии с организмом и в противоположность учению Руссо, Сен-

Симон вовсе не считает необходимым для человечества одряхление и упадок даже в отдаленном будущем.

Каковы же признаки прогресса, в чем он выражается? Для того чтобы судить о том, прогрессирует или регрессирует человечество, необходимо иметь какие-то критерии для оценки сменяющих одна другую общественных систем. Таких критериев Сен-Симон устанавливает четыре. «Лучшее общественное устройство — то, которое делает жизнь людей, составляющих большинство общества, наиболее счастливой, предоставляя им максимум средств и возможностей для удовлетворения их важнейших потребностей. Это такое общественное устройство, при котором достойнейшие люди, внутренняя ценность которых наиболее велика, располагают максимумом возможностей достичь высшего положения, независимо от того, куда их поместила случайность рождения. Это затем такое общественное устройство, которое объединяет в одно общество наиболее многочисленное население и предоставляет в его распоряжение максимум средств для сопротивления иноземцам. Это, наконец, такое общественное устройство, которое приводит в результате покровительствуемых им трудов к наиболее важным открытиям и к наибольшему прогрессу цивилизации и наук»¹⁹. Пользуясь этими критериями, Сен-Симон и доказывает превос-

¹⁷ Saint-Simon. Oeuvres choisies, III, 215. Эпиграф к «Opinions littéraire etc.».

¹⁸ Вполне точно: социальный возраст французского народа соответствует 21 году (Saint-Simon. Oeuvres choisies, III, 187. Catéchisme des industriels).

¹⁹ Saint-Simon. Oeuvres choisies, II, 100. Mémoire sur la science de l'homme.

ходство каждой последующей общественной системы над системой, ей предшествующей тем самым подтверждая свою концепцию прогресса.

III

Установив основные положения философско-исторической системы Сен-Симона, посмотрим, как применяет он эти положения к объяснению конкретных исторических явлений.

Само собой разумеется, что с перенесением золотого века из прошлого в будущее рушится свойственная XVII и XVIII вв. теория естественного состояния как состояния изначального совершенства человеческого рода. У Сен-Симона представление о «колыбели человечества» связано с представлением о невежестве и грубости: жизнь человечества начинается не с золотого, а с железного века. Сен-Симону не только чужда теория естественного состояния. Он первый устанавливает ее близость к религиозному учению о рае и о грехопадении, смело сопоставляя учение Руссо с учением «богословов»²⁰. Первый период развития человечества, когда все усилия направляются на добывание пищи, мало останавливает на себе внимание Сен-Симона. Он посвящает ему лишь несколько малосодержательных строк в «Memoire sur la

²⁰ Saint-Simon Oeuvres, choisies, III, 221. Opinions littéraires etc.

science de l'homme»²¹. Момент, с которого изучение исторического процесса приобретает значение для познания будущего (а в этом цель истории), — это момент установления рабства²². Рабство, по учению Сен-Симона, было само по себе громадным шагом вперед, так как оно пришло на смену простому истреблению побежденных. Но оно еще более важно по своим последствиям. Оно дало возможность выделиться из общей массы господствующему классу, который, получив досуг, смог заниматься усовершенствованием умственных способностей. Оно, таким образом, создало условия для прогресса человеческого разума, а следовательно, и для прогресса вообще.

Установление рабства связано с большой системой религиозно-философского характера — с политеизмом. Этой системе предшествует идолопоклонство. Но на последнем Сен-Симон останавливается так же мало, как и на истории первобытного человечества вообще. Политеизм не сразу и не целиком вытесняет идолопоклонство. Новая система усваивается сначала только учеными, которые выделяются в особую корпорацию жрецов. Для общественного употребления они сохраняют фетишизм, внутри своей корпорации развивая новую систему. Эта двойственность ясно видна на примере Египта, где особенно резко

²¹ Ibid., II, 197—99. Memoire sur la science de l'homme.

²² Ibid., III, 188 Catéhisme des industriels

была проведена грань между мыслящим и верующими²³. Распространение среди родных масс политическая система получила лишь позже — у древних греков. Униполитеизм, организатором которого Сен-Симон считает Гомера, стал всеобщей религией²⁴. На этой религиозной системе, как на основе, выросла система политическая. Последняя была скопирована с первой. Даже республиканские конституции греческих городов представляются Сен-Симону подражанием Олимпу, который тоже был республиканским собранием.

Политеистическая система была крупным шагом вперед. Но сама по себе она была все же весьма несовершенна. Значительная часть народов древности жила в полном рабстве, господа имели над этой частью право жизни и смерти. Рядом со светской властью, властью вооруженных, возникла уже духовная власть, власть ученых. Но светская власть продолжала нераздельно господствовать, духовная власть была ей всецело подчинена. Власть (как светская, так и духовная) передавалась по наследству в пределах военного класса патрициев, для плебеев возвышение было совершенно невозможно. Пределы государств политеистической системы были чрезвычайно ограничены, и они были поэтому очень непрочны. Наконец, и в научной области народы древности успели весьма мало. Правда,

²³ Saint-Simon. Oeuvres choisies, II, 104. Mémoire sur la science de l'homme.

²⁴ Ibid., II, 107—108.

они уже занимались политикой, как наукой, но они не пришли к познанию той истины, что руководством в общественной жизни должна быть мораль и что поэтому духовная власть должна господствовать над светской²⁵.

На смену политеизму должен был прийти монотеизм, учение о единой управляющей миром причине. Творцом монотеистической системы был Сократ, этот величайший из когда-либо существовавших людей²⁶. Но монотеизм не мог сразу сменить политеизм. Процесс перехода общества от идеи многобожия к идее единобожия должен был неизбежно вызвать глубокий и длительный кризис. «Сильнейший из всех известных в истории...» Окончательно утвердился монотеизм в форме христианства, над созданием которого трудились не только иудеи, но и платоники, а установили его римляне. С точки зрения Сен-Симона не республиканская эпоха, а эпоха империи дает место римлянам среди великих исторических народов.

Основная идея христианства, говорит Сен-Симон, братство людей. Этот моральный принцип при проведении его в жизнь нужно было смягчить применительно к умственному и нравственному уровню масс того времени²⁷. Но все же средневековая феодально-богословская система, в основу которой было положено

²⁵ Saint-Simon. Oeuvres choisies, III, 232. Opinions littéraires etc.

²⁶ Ibid., II, 100—111. Mémoire sur la science de l'homme.

²⁷ Ibid., III, 232—233. Opinions littéraires etc.

смягченное, приниженное христианство, представляла крупнейший шаг вперед в развитии человечества. Отмечая преимущества средневекового строя, Сен-Симон резко порывает с рационалистической традицией XVIII в. и близок к той реабилитации средних веков, какую давали реакционеры его времени. Но сходство с последними здесь только внешнее. Как мы увидим, для Сен-Симона средневековый порядок — далеко не идеальный порядок. Он лишь выше того, которому он пришел на смену, — античного. Античный строй утверждал полное рабство, средневековый подготовил освобождение рабов, превращая их в крепостных. В античных государствах духовная власть стояла на втором месте, в средневековых она заняла господствующее положение. В античных государствах власть была привилегией патрициев, в средневековых она оказалась доступна плебейам, поскольку они были допущены в ряды духовенства, носителя высшей власти. Античный строй мог создать значительно меньшие и более слабые общественные организации; поэтому он погиб от варваров; средневековый строй, наоборот, их себе ассимилировал²⁸. Если в средние века по-прежнему господствует военная власть меньшинства (патрициев) над большинством (плебеями), если сохраняются еще остатки рабства, то это было неизбежно. Иначе при невежестве большинства осуществление полно-

²⁸ Saint-Simon. Oeuvres choisies, III, 221—232. Opinions littéraires etc.

стью принципа братства привело бы к анархии и разрушению общества²⁹. Кроме того, военные (феодалы) были действительно руководителями масс в главной отрасли мирных трудов того времени — в сельском хозяйстве, как богословы — в научной деятельности³⁰.

До IX в., утверждает Сен-Симон, шло разрушение античной системы; с IX по XIII в. строилась новая феодально-богословская система. Создание прочной общественной организации, окончательно сложившейся к XIII в., дает возможность гораздо более быстрого прогресса человеческих знаний, освобождая духовные силы, занятые ранее защитой общества³¹. Этот прогресс идет в двух направлениях: теоретическом и практическом. Накопляются и углубляются знания законов, управляющих явлениями, с одной стороны; усовершенствуется их применение в полезной промышленной деятельности человека — с другой. Небывалого до тех пор расцвета достигают обе отрасли деятельности человечества к XV в. С XV в. успехи цивилизации перерастают рамки старой феодально-богословской системы, для дальнейшего прогресса необходима ее дезорганизация. Система уже выполнила свое назначение, ее руководящие силы — духовенство и дворянство — дали все, первое — в области интеллектуальной, второе — в области военной

²⁹ Ibid., III, 277—278. Opinions littéraires etc.

³⁰ Ibid., III, 237, 303, а также 77 и сл. Opinions littéraires etc.; Catéchisme des industriels.

³¹ Ibid., III, 232, Opinions littéraires etc.

деятельности. Их значение непрерывно падает с ростом значения новых групп, выдвигаемых ходом цивилизации: представителей светской науки — ученых и представителей мирного труда — промышленников³².

В «Катехизисе промышленников» в характеристику старых и новых общественных слоев вплетается по отношению к Франции элемент национальный. Старое дворянство — завоеватели-франки, промышленники — покоренные галлы. Возможно, что на Сен-Симона, влияя в этом вопросе его ученик, известный историк О. Тьерри, для которого характерно такое изображение генезиса общественных классов.³³ Обратное влияние представляется менее правдоподобным, так как и в более ранних (например, «Memoire sur la science de l'homme», 1813) и в более поздних («Opinions littéraires, philosophique et industrielles» 1825) произведениях Сен-Симона мы находим в применении к классам средневекового общества лишь термины «патриции» и «плебеи» — термины, устанавливающие генетическую связь между системой феодально-богословской и системой античной. Появление промышленников и ученых в среде плебейства, упадок и разложение дворянства (патрициата) трактуются как явления общие, а не только свойственные истории Франции, и

³² Saint-Simon. Oeuvres choisies, III, 75 et suiv. Catechisme des industriels; 235 et suiv. Opinions littéraires etc.

³³ Огюстен Тьерри работал с Сен-Симоном до 1816 г.

этой общей трактовке лишен интереса вопрос о национальном происхождении той и другой группировки, национальная окраска является чем-то для них случайным.

До XV в. в обществе господствуют богословские идеи, носителем которых является духовенство. Естественно, что духовенство пользуется властью над умами и нравами. К XV в., и особенно начиная с XV в., человеческий разум, разрабатывая опытные науки, перешедшие в Европу от арабов, делает ряд открытий, которые дают материал к построению новой системы³⁴. Общество постепенно освобождается из-под господства богословия, все большим становится удельный вес светских ученых, развивающих светские науки. Между тем официальная власть остается в руках старых богословов. В обществе возникает внутреннее противоречие, которое выражается в борьбе нового, научного элемента со старым, богословским. Начинается критика феодально-богословской системы, прежде всего его духовной, богословской стороны. Лютер, Коперник, философы XVIII в. — все это, по мнению Сен-Симона, этапы критической, дезорганизаторской работы, которая была необходима, ибо без нее нельзя было построить новую систему, соответствующую новым завоеваниям человеческого разума.

Вслед за критикой духовной стороны феодально-богословской системы идет критика

³⁴ Saint-Simon. Oeuvres choisies, III, 241. Opinions littéraires etc.

ее светской стороны, феодальной организации как таковой. Пока знать руководила сельскохозяйственными работами, важнейшими по тому времени, ей, естественно, принадлежала власть. Однако, начиная с XV в. плебеи не только сделали громадные успехи в теоретических знаниях, они научились их практическому приложению, полезному для общества: плебеи выдвинулись на первое место как руководители промышленных предприятий. Опека, в которой знать держала плебеев, потеряла с этого времени всякий смысл. Бессмысленной стала эта система, которая представляет собой какой-то опрокинутый вверх дном мир: способнейшие находятся в классе управляемых, класс правителей состоит из людей посредственных. Но для того чтобы установилось нормальное положение — система, соответствующая изменившемуся в результате прогресса цивилизации соотношению общественных групп, — европейским обществам необходимо было пережить длительный процесс разрушения старого феодального мира, процесс, только начало которому было положено критикой Коперника и философов³⁵.

Разрушение феодального и богословского строя есть, следовательно, по Сен-Симону, процесс двусторонний, хотя в основе его и лежит нечто единое: прогресс человеческого разума. Это, во-первых, чисто идеологическая критика; это, во-вторых, сопровождающая ее

³⁵ Saint-Simon. Oeuvres choisies, III, 302—305. Opinions littéraires etc.

и воодушевляемая ею борьба реальных общественных сил. В первой активная роль выпадает на долю ученых, во второй — на долю промышленников. Во Франции подъем влияния промышленников Сен-Симон отмечает с эпохи крестовых походов, которые разорили знать и дали возможность промышленникам откупиться от ее господства, которые повысили спрос на продукты промышленности и содействовали скоплению в руках промышленников средств, необходимых для освобождения. Ко времени Людовика XI, утверждает Сен-Симон, существовал уже отчетливо отмежевавшийся от других общественных слоев и достаточно сильный класс промышленников. В его состав входили невоенные землевладельцы, сами обрабатывавшие свою землю, освободившиеся и объединившиеся в городах ремесленники и, наконец, торговцы. Со времени Людовика XI этот класс вступает в борьбу с феодалами, причем сразу же находит себе союзника в лице королевской власти. По мнению Сен-Симона, основателем союза между королем Франции и промышленниками против знати был Людовик XI. И королевская власть в его лице и промышленники были одинаково заинтересованы в устранении феодальной пестроты в управлении, в установлении единой, прочной власти, какой могла быть только королевская власть. Естественный союз королевской власти и промышленности с этих пор не прерывался в течение веков. Даже Людовик XIV, говорит Сен-Симон, вопреки своей репутации, не нарушал этой основной

политической линии французских королей ведь именно при нем Кольбер помогал промышленникам создавать большие фабрики и строил на государственные средства прекрасные мануфактуры, именно при нем была учреждена Академия наук, которой было дано специальное поручение оказывать содействие промышленным трудам³⁶.

Класс промышленников, все более преуспевающий, отвоевывающий все новые и новые позиции у феодального строя, получил законченную организацию лишь в XVIII в., с образованием нового вида промышленности, частные интересы которого были тождественны общим интересам всей промышленности. Этот вид промышленности — банковское дело. Земледельцы, фабриканты и торговцы до возникновения банков составляли отдельные корпорации. Банк объединил их в единой системе кредита, придав тем самым классу промышленников, взятому в целом, такую денежную силу, какой не обладают ни все остальные классы вместе, ни даже государство³⁷. Эта мысль об организующей роли банков, брошенная Сен-Симоном, получила дальнейшее развитие у его учеников. В системе сен-симонистов банки играют роль не только силы, организующей промышленность. Они — единственное противоядие, которое выработала су-

ществующая сейчас система против раздирающей ее анархии, элемент будущего организованного строя в настоящем. Они сохраняются и в этом будущем строе как главный аппарат по управлению производством, соответственно изменив свой характер, освободившись от стимула индивидуального обогащения и став учреждением общественным³⁸.

Между тем как класс промышленников окончательно организуется и становится вполне способным взять в свои руки власть, старые господствующие классы окончательно дезорганизованы. Решительный удар им нанесла Французская революция, основной причиной которой было изменение в соотношении общественных сил, начавшееся с XV в. и закончившееся в XVIII в. Действительное соотношение сил было, по словам Сен-Симона, таково: реальная светская власть в руках промышленников, реальная духовная власть в руках ученых. Политический строй отвечал не этому реальному положению, а тому, которое существовало много веков тому назад: в этом политическом строе по-прежнему наибольший удельный вес имело дворянство и духовенство. В течение столетий шла гражданская и моральная революция, она сделала неизбежной революцию политическую. Задача этой революции состояла в том, чтобы привлечь к непосредственной политической власти силы, которые получили в обществе реальное преоб-

³⁶ Saint-Simon. Oeuvres choisies, III, 78 et suiv. Catéchisme des industriels; Du système industriel passim.

³⁷ Ibid., III, 85—87. Catéchisme des industriels; 246. Opinions littéraires etc.

³⁸ «Изложение учения Сен-Симона», пер. с французского М., Изд-во АН СССР 1947, стр. 264 и сл.

ладание. Было необходимо взять власть и рук дворянства и духовенства и передать ее в руки промышленников и ученых. Королевская власть, которая всегда, как мы уже видели, была союзницей промышленников, должна была и на этот раз стать на их сторону. По мнению Сен-Симона, она так и сделала. Недаром Людовик XVI предоставил третьему сословию двойное представительство. Таким образом, революция началась хорошо. Но затем она уклонилась с истинного пути и потому привела к неудовлетворительным результатам: довершив дело дезорганизации старого феодального и богословского строя отменой феодальных привилегий, провозглашением свободы совести и т. п. мерами, она не построила новой промышленной и научной системы³⁹.

Вопроса об историческом значении Французской революции, о ее причинах и результатах Сен-Симон касается в своих произведениях неоднократно, освещая то одну, то другую сторону проблемы. Интересные соображения о движущих силах революции находимы в «Письмах к американцу». Сен-Симон подчеркивает здесь ту роль, которую сыграла в подготовке революции французская философия XVIII в. Именно тогда возникла, по мнению Сен-Симона, партия, которую он называет «свободомыслящей». Свободомыслящие разоблачили в своих трудах пороки старого правления, провозгласили новые принципы

общественного порядка, которые затем узаконило Учредительное собрание. Свободомыслящие вовсе не хотели кровавой революции, и она могла бы обойтись без крови, новые учреждения сменили бы старые без применения насилия, если бы у Франции не было могущественных соседей, находившихся еще под игом феодализма и суеверий. Недовольные революцией дворяне и духовенство обратились к этим соседям за помощью, и последние, опасаясь, что революция может затронуть и их самих, напали на Францию. Чтобы оказать отпор иноземным войскам, свободомыслящие были вынуждены поднять и вооружить народные массы. При их помощи они одержали верх над дворянством и духовенством всей Европы. Но вооруженные для отпора привилегированным пролетарии отстранили свободомыслящих и сами завладели властью, что и придало революции ее разрушительный характер.

Свободомыслящим удалось опрокинуть феодальные и теологические учреждения и победить силы, стремившиеся восстановить старый порядок. Однако в установлении нового порядка они еще не достигли такого же успеха⁴⁰.

Причину этой незавершенности Французской революции Сен-Симон видит здесь, по видимому, с одной стороны, в неподготовленности свободомыслящих, в отсутствии у них общей концепции новой политической системы,

³⁹ Saint-Simon. Oeuvres choisies, III, 51 et suiv.

⁴⁰ Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin, XIII. Paris 1865, p. 170—179.

а с другой — в реакции, вызванной временным захватом власти «невежественным классом». Иное объяснение дает Сен-Симон тому же факту в более поздних произведениях.

Основной недостаток революции, говорит Сен-Симон в своих работах последнего периода, состоит в том, что она не передала власти в руки промышленников и ученых, достаточно для этого созревших, а поставила во главе государства два промежуточных слоя: метафизиков и законников (легистов). Эти промежуточные слои образовались в процессе разложения старого общества и сыграли в свое время положительную роль. Потребность в них создавалась необходимостью приспособления старого строя к нуждам общественного развития в тот период, когда промышленники и ученые не были еще достаточно сильны, чтобы взять власть в свои руки. Легисты смягчили феодальную юстицию в интересах промышленности и не раз защищали промышленность в старых парламентах от сил феодализма; метафизики смягчили старое богословие, сохранив ряд религиозных положений, но открыв за их пределами двери свободному суждению. Без этого смягчения норм феодально-богословского строя было бы невозможно развитие в его недрах промышленности и науки. Ко времени Французской революции роль легистов и метафизиков была уже сыграна: с их помощью промышленники и ученые выросли в господствующую силу и должны были стать непосредственно господствующим классом общества. Однако резкие и решительные переходы от

одной системы к другой, ей противоположной, очень трудны. Промышленники, привыкшие видеть в промежуточных слоях — в легистах и метафизиках — защитников интересов общественного развития, решили передать власть в ответственный момент в их руки. Между тем эти группы были по самому существу неспособны к построению новой системы. Легисты, изощрявшиеся в изобретении способов защиты промышленности во враждебном ей строе, занялись созданием системы гарантий и сдержек, которые должны были обеспечивать интересы промышленников, вместо того чтобы прямо все поставить на службу промышленности. Метафизики занялись поисками наилучшей возможной власти, соответствующей промышленным или общим принципам. И те и другие только так и могли действовать. Их нельзя за это упрекать. Но как бы то ни было революция, попав в несоответствующие руки, не привела к построению промышленной и научной системы вместо феодальной и богословской. Она оставила страну в неорганизованном состоянии. Необходимо сделать дальнейший шаг вперед, уже созидательного характера — шаг, который должен завершить революцию⁴¹.

⁴¹ Saint-Simon. Du système industriel, V et suiv; 51 et suiv. В «Катехизисе промышленников» промежуточный класс получает наименование буржуазии, а в его состав входят кроме легистов военные разночинцы и землевладельцы разночинцы. Разрушив старый феодализм, этот класс восстанавливает затем феодализм в свою пользу, делая буржуа коро-

Аналогичным, хотя и не тождественным путем шло, по мнению Сен-Симона, в последние столетия развитие Англии. Здесь развитие промышленности привело после революции XVII в. к созданию компромиссного строя. Английское правление — это феодальное правление, приноровленное, насколько возможно, к нуждам промышленности. Власть осталась в руках феодального класса, дворянства, которое соединилось с промышленниками против королевской власти, тогда как во Франции промышленники соединились с королевской властью против дворян. В английской системе смешаны два принципа, и это смешение ведет к целому ряду конкретных дефектов, свидетельствующих о болезненном состоянии английской нации. В доказательство Сен-Симон приводит факты, говорящие о продажности английского парламента и о болезненной страсти к деньгам, распространенной среди англичан. Именно потому, что в Англии феодальная система сделала все возможные уступки промышленной, она просуществовала там, утверждает Сен-Симон, дольше, чем во Франции. Французские промышленники больше, чем английские, заинтересованы в смене системы, а французские феодалы гораздо меньше способны к сопротивлению, чем феодалы английские, в борьбе с королем сосредоточившие в своих руках всю власть. Первой к промышленному режиму должна

лем, а своих членов оделяя титулами герцогов, графов, баронов и т. д. (*Oeuvres choisies*, III, 93).

перейти Франция, а за нею последует Англия⁴².

Мы видим, что у Сен-Симона основным содержанием исторического процесса с XV в. является борьба общественных классов. Эта трактовка истории новой Европы не находится в противоречии с изображением более ранних стадий общественного развития. Антагонизм между промышленниками и феодалами — новая форма того же антагонизма, какой существовал между патрициями и плебеями. В учении Сен-Симона классовая борьба есть общий признак всякого исторического человеческого общества. Где-то на заре истории теоретически мыслится общество бесклассовое, но о нем трудно сказать что-либо определенное. На истории XV—XVIII вв. Сен-Симон останавливается дольше, дает классам этого периода более конкретную социально-хозяйственную характеристику. Поэтому для развития теории классовой борьбы эта часть построения Сен-Симона имеет наибольшее значение, она оказала наибольшее влияние на дальнейшее развитие исторической науки и теории социализма.

⁴² *Saint-Simon. Oeuvres choisies*, II, 12—149. Такую характеристику английского развития мы находим в «*Catéchisme des industriels*». В ранее написанных произведениях Сен-Симон более высоко оценивает английскую конституцию. Так, в «*Memoire sur la science de l'homme*» (1813) он высказывает ту мысль, что именно английская организация придет на смену феодальному режиму у всех европейских народов.

Признавая всю значительность теории Сен-Симона, мы должны, однако, тут же подчеркнуть два пункта, в которых она давала неясную, двусмысленную характеристику общественных отношений новой Европы. Первый пункт — вопрос о возникновении общественных классов. На этот вопрос у Сен-Симона нет вполне отчетливого ответа. Даже если мы отметим как случайную мысль о связи классов нового французского общества с завоевателями-франками и покоренными галлами, если мы будем иметь в виду те сочинения Сен-Симона, где он стремится дать общее изображение хода исторического процесса, — и в этом случае мы должны будем убедиться, что Сен-Симон безнадежно путается в своих объяснениях. Он отмечает хозяйственный момент в характеристике классов и причин их роста и упадка (феодалы — не только военные защитники общества, но и организаторы сельского хозяйства, их значение падает с утратой ими хозяйственных функций, удельный вес промышленников повышается с их хозяйственными успехами и т. д.). Он утверждает что нет изменений в общественном порядке без соответствующего изменения в форме собственности. Сен-Симон, будучи последователем, должен был бы в той же хозяйственной деятельности и в изменении организации собственности искать и самые корни общественных классов. Если бы он сделал этот шаг, он неизбежно пришел бы к материалистическому пониманию истории. Но Сен-Симон этого шага не делает, его общая концепция остается

идеалистической. Поэтому вопрос остается без ответа по существу, ибо ссылки на политизм в объяснение классового строения античного общества, на христианство в объяснение строя феодально-богословского, конечно, таким образом считаться не могут. И материалистические рассуждения о росте промышленности, и теория франкского завоевания остаются в системе Сен-Симона наращиваниями, очень интересными, но логически не связанными с основами его исторической теории.

Второй пункт, поражающий в теории классов Сен-Симона своим несоответствием реальным взаимоотношениям его эпохи, это его представление о классе промышленников как о едином классе. Линия основного деления общества проходит у Сен-Симона между утратившими хозяйственное и политическое значение, превратившимися в туеядцев представителями правящих групп феодального общества и промышленниками, в число которых входят все трудящиеся в индустрии и в сельском хозяйстве как в качестве физических рабочих, так и в качестве предпринимателей. К промышленникам по существу примыкают и интеллигентские группы: ученые и художники, хотя они и играют в обществе в качестве представителей духовной власти некоторую самостоятельную роль. Основное деление общества у Сен-Симона двучленно — в соответствии с представлением о борьбе двух порядков: феодального и промышленного. Между двумя основными классами существуют, правда, промежуточные, которые иногда, как мы уже

говорили, получают у Сен-Симона общее наименование буржуазии⁴³. Но эти классы не играют существенной роли в экономике общества Промышленный строй, идущий на смену феодальному, мыслится Сен-Симоном как строй окончательный, лишенный внутренних противоречий. Не должно быть поэтому внутренних противоречий и в том классе, который является творцом этого нового строя.

Сен-Симон слишком тонкий наблюдатель, чтобы не видеть того, чего не могли не видеть даже мыслители XVIII в.: в среде нового общества, идущего на смену старому, феодальному резко бросается в глаза различие между двумя группами. Одни обладают собственностью, другие ею не обладают. Наличие этих групп Сен-Симон констатирует уже в первом своем произведении⁴⁴. Он сознает даже необходимость борьбы между собственниками и несобственниками. Участием людей, не имеющих собственности, объясняет он в своих ранних работах разрушительный характер Французской революции. Он отмечает господствующее политическое направление группы несобственников: это страсть к равенству. Тот же ряд мыслей находим мы и в более поздних «Письмах к американцу» (1817). В этом

⁴³ Помня своеобразие терминологии Сен-Симона не следует придавать несвойственного ей значения антитезе «промышленников» и «буржуазии». В состав промышленников входит вся буржуазия в нашем смысле этого слова, за исключением рантье (собственников, не руководящих промышленностью).

⁴⁴ Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin, XV, 26. Lettres d'un habitant de Genève.

произведении, как мы уже говорили, имеется даже термин «пролетарии» в применении к несобственникам. При этом указывается, что пролетарии, вдохновляемые страстью к равенству, захватив в свои руки власть, показали, что может быть нечто худшее, чем старый режим⁴⁵.

В дальнейших работах Сен-Симона оценка пролетариата существенно меняется. Сен-Симон тщательно доказывает зрелость французского пролетариата, проявившего большие способности к управлению имуществами во время Французской революции. Эти способности сказались как в области земледелия, так и в области промышленности. В первой области несколько тысяч пролетариев сразу перешли в разряд собственников, и это несколько не отразилось на обработке земли, наоборот, земля стала приносить более обильные урожаи, чем в прежние годы. Вторая область, французская промышленность, только потому могла подняться после революции, что место старых предпринимателей, раздавленных революцией, было занято большим количеством новых людей, вышедших из рядов простых рабочих. Следовательно, делает вывод Сен-Симон, пролетарии не представляют более опасности для общественного спокойствия и не нуждаются в опеке⁴⁶.

Таким образом, отношение Сен-Симона к пролетариату на протяжении его литератур-

⁴⁵ Ibid., XIII, I, 178.

⁴⁶ Saint-Simon. Oeuvres choisies, II, 267 et suiv. De la reorganisation de la société européenne.

ной деятельности не остается одним и тем же. Но самое существование пролетариата в этой группе, отличной от группы собственников в пределах промышленного класса, Сен-Симон нигде не отрицает. И тем не менее он не деляет пролетариат в особый класс. Различно, казалось бы, весьма существенные между летариями и предпринимателями, предстают для него — основанным на взаимном непонимании. По существу интересы руководителей промышленных предприятий совпадают с интересами народных масс. По мнению Сен-Симона, улучшение морального и физического существования бедного класса сопряжено с увеличением, а отнюдь не с уменьшением слабой части класса богатого⁴⁷. «Предприниматели промышленных работ оказываются, в силу природы вещей, руководителями и представителями взглядов большинства»⁴⁸. Это совершенно голословным утверждением решается у Сен-Симона весьма реальное общественное противоречие, спасается единство промышленного класса и, следовательно, перспектива мирного построения новой общественной системы. Конечно, до известной степени возникновение идеи солидарности интересов предпринимателей и рабочих может быть отнесено за счет недостаточного развития во Франции начала XIX в. промышленного капитала и недостаточной четкости демаркационной черты, отделяющей в эту эпоху пролетариев от независимых товаропроизводителей — мелких ремесленников и крестьян. Конечно, сохранить концепцию солидарности было легче в такой обстановке, чем в обстановке второй половины века. Но внутренний мотив, который заставил Сен-Симона, обычно столь прозорливого, закрывать глаза на факты, ему хорошо известные, здесь гораздо важнее. Сен-Симон как творец новой социальной системы чувствовал практическую потребность доказать, с одной стороны, отсутствие внутренних противоречий в ней, с другой — возможность и необходимость ее безболезненного, мирного установления совместными усилиями всех элементов общества, кроме ведущих паразитическое существование остатков феодального класса. Признание реального противоречия внутри массы «трудящихся» подорвало бы всю его практическую программу. ☞

IV

Какова же была практическая программа Сен-Симона? Как представлял он себе будущий промышленный строй? В течение первых лет его литературной деятельности центральное место в ней занимают проблемы философские и философско-исторические, хотя активный интерес к преобразованию общества чувствуется уже в первом его произведении — в «Письмах женеvского обитателя». В работах последнего десятилетия проблема общественного преобразования, проблема построения

⁴⁷ Saint-Simon. Oeuvres choisies, III, 31. Nouveau christianisme.

⁴⁸ Ibid., 239—240.

новой «промышленной системы» выдвигается на первый план. Мы уже знаем, что социально-политический переход от существующего неорганизованного состояния, являющегося продуктом разложения феодального строя, промышленной системе мыслится Сен-Симоном как переход власти из рук феодальных и промежуточных общественных групп в руки промышленников и ученых. Для него это равносильно переходу дела управления государством от бездельников и паразитов к трудящимся. Формы, в которых он изображает в различных произведениях самую организацию власти промышленников и ученых, довольно разнообразны, но существо этой организации всегда остается приблизительно одним и тем же: духовная власть сосредоточивается в Академии, светская — в Совете промышленников⁴⁹. Существующие органы власти этим как будто не упраздняются. Остается король, остаются министерства, остаются палаты. Но законодательная инициатива, составление бюджета, контроль за его исполнением — все передается новым органам, к которым и переходит вследствие этого реальная власть.

Новые общественные силы, получив власть, должны будут неизбежно поставить перед собой новые цели, принципиально отличающиеся от целей старой власти. «До настоящего времени, — говорит Сен-Симон, — правитель

⁴⁹ Saint-Simon. Oeuvres choisies, III, 205. *Le technisme des industriels*; 308—309 et suiv. *Opinions téraires* etc.

смотрели на народы, как на свои вотчины: все их политические планы были направлены или на эксплуатацию этих вотчин, или на их увеличение»⁵⁰. Этому принципу старой власти ее враги противопоставляли в борьбе с нею принцип свободы. Его было необходимо провозгласить тогда, когда свобода всячески угнеталась, когда нужно было сдерживать произвол. Но при построении промышленной и научной системы свобода не может быть целью. Люди соединяются в общества вовсе не для обеспечения свободы, так как свободнее всего они в изолированном состоянии. Идея свободы как цели общественной организации есть пустая и метафизическая идея, соответствующая потребностям переходного времени разложения феодально-богословского строя. Точно так же нелепа формальная идея порядка в качестве цели общества. Поддержание порядка — средство, а не цель общества. Это — основное условие, при котором общество может посвятить себя какой-либо деятельности, но отнюдь не содержание деятельности⁵¹. Гораздо ближе к истине те, кто провозглашает в качестве основного принципа нового общества благо нации. Но и это неопределенно: благо нации допускает самые различные толкования, всякий правитель может понимать его соответственно своему вкусу. Если он честолюбив, он будет видеть благо народа в завоеваниях, если он любит

⁵⁰ Ibid., II, 365. *Extraits de l'Organisateur*
⁵¹ Saint-Simon. *Du système industriel*, XII, 75.

роскошь, он будет считать благом построение дворцов и устройство празднеств и т. п. Поэтому необходимо дать более точное определение цели общественной организации. Это определение гласит: «Целью общественной организации должно быть возможно лучшее применение для удовлетворения потребностей человека знаний, добытых науками, искусствами и ремеслами, распространение этих знаний, их развитие и возможно большее накопление — иными словами, возможно более полезное комбинирование всех отдельных работ в области наук, искусств и ремесел»⁵². Стремление к возможно более широкому удовлетворению человеческих потребностей — характерная черта социальной философии Сен-Симона. Ему совершенно чужды аскетические тенденции, свойственные большинству более ранних утопистов (в том числе и бабувистам).

Сен-Симон нигде не дает более конкретно характеристики этой деятельности общества по комбинированию отдельных работ. По этому вопросу в его произведениях имеются лишь разбросанные там и сям намеки. Но в всяком случае самая идея общественной организации производства, общественного плана производства не есть случайная идея в учении Сен-Симона. Основная задача промышленной системы — установление ясного разумного комбинированного плана работ

которые должны быть выполнены обществом. Наличие общего плана хозяйства — черта, наиболее резко отличающая систему, проповедуемую Сен-Симоном, от хозяйственной анархии, характерной для капиталистического строя. Это именно и позволяет ему именовать будущий общественный строй — ассоциацией⁵³. Но это слово не должно вводить нас в заблуждение. Ассоциация Сен-Симона не предполагает общественной собственности на средства производства. У него нет речи об отмене частной собственности, об экспроприации. Государство лишь в известной мере подчиняет деятельность отдельных промышленников общему плану, направляя ее в известное русло. Сохраняется, следовательно, и классовое строение общества, как сохраняется барыш предпринимателей. Сен-Симон прямо призывает не очень придирааться к барышам промышленников, если они ведут работы, полезные для государства⁵⁴. Необходимо, говорит он, поощрять возможно больше земледельческую, промышленную и торговую деятельность... Надо привлекать людей приманкой частных выгод к работам по устройству каналов, дорог и мостов, по осушению, распашке и орошению. Общество и в будущем сохранит, по мнению Сен-Симона, форму пирамиды.

Как мы уже знаем, Сен-Симон не считает институт собственности вечным и неизменным.

⁵² Saint-Simon. Oeuvres choisies, II, 37
Extraits de l'Organisateur.

⁵³ Ibid., II, 375. Extraits de l'Organisateur.

⁵⁴ Saint-Simon. Oeuvres choisies, II, 443. Suite à la brochure de l'Organisateur.

Этот институт подлежит усовершенствованию, с изменением исторических условий: «...до очевидности ясно,— говорит Сен-Симон,— что в каждой стране основным законом является тот, который устанавливает формы его организации, но из того, что этот закон является основным, еще не следует, что он не может быть изменен». Сен-Симон считает необходимым отыскание такого способа организации собственности, который доставил бы наибольшую сумму благосостояния и свободы.

Сен-Симон считает, что промышленная система будет системой максимально возможно го равенства. Полное равенство невысказано. Мы уже видели, как Сен-Симон осуждает «страсть к равенству» эпохи буржуазно-революции. Действительно осуществимое равенство состоит прежде всего в том, что в промышленной системе все являются трудящимися, паразитизм старых правящих групп исчезает. Общество есть союз людей занятых полезными работами. Уже в «Письмах женеvского обитателя» (1802) Сен-Симон провозглашает принцип всеобщего труда «Все люди будут работать; они все будут смотреть на себя как на работников, прикрепленных к мастерской. На каждого возложена обязанность постоянно давать своим силам применение, полезное для человечества». Бесполезных для мастерской работников в нем не должно быть⁵⁵. Различие между трудящимися лишь в том, что одни работают руками

другие — головой. Богатого только за то и будут кормить бедные, что он работает головой. Но место, которое каждый занимает в общественной системе, будет определяться не случайностью рождения, так как все привилегии будут уничтожены, а способностями. Из этого положения ученики Сен-Симона сделали вывод об отмене права наследования и об иерархии способностей во всех областях общественной жизни, в том числе и в хозяйственной («каждому — по его способностям, каждой способности — по ее делам»). У Сен-Симона проблема остается недодуманной. Иногда он под привилегиями понимает и богатство: богатый, мозг которого не способен к работе, будет вынужден работать руками. Иногда он имеет в виду только политические привилегии и говорит о способностях как об условии политического возвышения⁵⁶. В одном месте он говорит, что значение и доход каждого должны быть пропорциональны его способностям и его вкладу (mise)⁵⁷. Во всяком случае принцип возвышения по способностям (в промышленности) и неизбежность права собственности на средства производства у него остаются непримиренными.

В таких пределах осуществляется в промышленной системе равенство. И все-таки Сен-Симон заявляет, что организованная описанным выше способом деятельность системы

⁵⁶ Saint-Simon. Oeuvres choisies, II, 444. Suite à la brochure de l'Organisateur.

⁵⁷ «L'Organisateur», [1820], 9 lettre.

⁵⁵ Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin, XV, 55.

будет направлена к наибольшей выгоде наибольшей массы. Эта тема повторяется в всех произведениях последнего периода его деятельности. Иногда Сен-Симон говорит о организации политического общества, представляющего всем образующим его индивидам возможно большую сумму счастья; иногда — о создании учреждений, целью которых будет увеличение благосостояния последнего и самого многочисленного общественного класса или самого бедного общественного класса. Наконец, мы имеем и еще одну совершенно отчетливую формулировку: общественное устройство, основные учреждения которого в своей совокупности содействуют увеличению благосостояния пролетариев⁵⁸. Настойчивость, с которой Сен-Симон возвращается к этой мысли, возрастающая точность ее выражения, пафос — все это свидетельствует о том, что в последние годы жизни интерес Сен-Симона к участи пролетариев был очень велик. С этим связано конечно, и изменение оценки, какую давал Сен-Симон деятельности и успехам пролетариев в последние годы. К сожалению, интерес к пролетариату нашел свое выражение лишь в приведенных формулировках; он не успевает оказать влияния ни на сен-симоновскую теорию классов, ни на его концепцию будущей общественной системы. Конкретного представления о том, какими мерами должно быть до-

⁵⁸ Saint-Simon. Oeuvres choisies, III, 39. Du système industriel; 313—314. Opinions littéraires etc. 317 et suiv., passim. Nouveau Christianisme.

стигнуто повышение благосостояния наиболее многочисленного класса, у Сен-Симона в сущности нет. Мы можем отметить в характеристике будущего строя только одно сколько-нибудь существенное положение, непосредственно отвечающее на нужды пролетариата. Как мы знаем, труд у Сен-Симона обязателен для всех. Естественно, что он должен быть и доступен всем. Сен-Симон, очевидно под впечатлением наблюдавшихся в начале XIX в. промышленных кризисов и обусловленной ими безработицы, обращает на этот вопрос особое внимание. Он не раз возвращается к мысли, что общественная система должна обеспечить пролетариату непрерывный труд. У Сен-Симона есть, таким образом, идея права на труд; но она не получает у него сколько-нибудь исчерпывающего развития⁵⁹.

Очень интересные выводы по отношению к функциям власти, которые делает Сен-Симон из своей концепции промышленной системы.

В старых общественных системах, утверждает он, интересы большинства нации были подчинены интересам меньшинства. Это было необходимо вследствие невежества большинства, которое приходилось держать в опеке, чтобы не давать обществу распасться. Поэтому главной функцией власти в старом обществе было поддержание порядка среди этого подчиненного большинства. Обеспечение спокойствия и безопасности всем видам труда — такова была полезная сторона ее действий. Но

⁵⁹ Saint-Simon. Oeuvres choisies, III, 244, 288. Opinions littéraires etc.

это спокойствие достигалось с громадной затратой сил: меньшая часть общества тратила свои силы на то, чтобы держать большинство в покорности, большая часть тратила свои силы на борьбу с меньшей. Между тем воздействие человека на человека само по себе вредно; нет другого полезного труда, кроме воздействие человека на вещи.

Переход к новой системе, ставший возможным вследствие того, что большинство народа созрело и не нуждается более в опеке (см. выше о зрелости французского пролетариата), позволяет свести к минимуму функции поддержания порядка. Промышленная система менее всего требует управления людьми, так как в системе, прямая цель которой — благо большинства, не приходится тратить энергию на поддержание власти над этим большинством, которое уже не является врагом существующего порядка. «Отсюда следует, что власть, управляющая в собственном смысле слова, будет [в промышленной системе], насколько возможно, ограничена». Функция охраны порядка отойдет на задний план и, может быть, даже не будет требовать особых должностных лиц. «Обязанность поддержания порядка сможет легко стать почти целиком общей обязанностью всех граждан — как в смысле задержания нарушителей порядка, так и в смысле разрешения споров». Место системы управления людьми, системы господства займет система администрации, система управления вещами. Административная власть сменит власть правительственную.

И основной задачей этой администрирующей власти, носителями которой будут ученые, художники и промышленники, будет организация работ по культивированию земного шара в интересах человечества. Средства, идущие на войско и полицию, пойдут только на промышленную деятельность, распространение знаний и развлечения. Будущее общество представляется Сен-Симону в виде громадной, сложной мастерской. Политика в таком обществе — прежде всего наука о производстве. Легко себе представить, восклицает Сен-Симон, чего сможет достичь человечество, когда оно перестанет расточать силы на управление друг другом и организует их для совместного воздействия на природу, в особенности, если тот же принцип восторжествует и в отношениях народов между собой⁶⁰.

V

Новая общественная система может установиться, согласно идеалистической концепции Сен-Симона, только тогда, когда состояние знаний даст возможность построения новой философской системы, лежащей в ее основании. Так, на политеизме была построена античная система, на христианстве — феодально-богословская. Кризис, который переживают европейские общества, является

⁶⁰ Saint-Simon. Oeuvres choisies, II, 370—371; 373—377. Extraits de l'Organisateur; III, 277—296. Opinions littéraires etc.

результатом несвязности общих идей. Ка-только появится теория, соответствующая достигнутому уровню просвещения, все придет в порядок. Какова же эта новая философия, которая должна сменить христианство и послужить базисом для промышленного строя? В разные периоды своей деятельности Сен-Симон давал на этот вопрос не одинаковые ответы.

В более ранних произведениях Сен-Симон новой философской доктриной, подготовленной развитием знаний с XV в., является «физицизм», образующий промежуточное звено между просветительской философией XVIII в. и позитивизмом Конта. Все человеческие знания, утверждает Сен-Симон, проходят в своем развитии три стадии: теологическую, предположительную, или метафизическую, и позитивную. Теологическая соответствует низкому уровню знаний, характерному для феодальной системы. Но начиная с XV в. разум стремится обосновать свои суждения на наблюдаемых фактах. Все науки одна за другой принимают положительный характер. Очевидно, что философия, на них основывающаяся, должна также стать положительной. Она не могла стать положительной сразу, и в качестве промежуточных систем возникли системы метафизические. Эти системы соответствовали промежуточному периоду, в который разрушался феодально-богословский строй. Однако и XIX в. находится до сих пор под влиянием критического характера XVIII в., он не усвоил еще сози-

дательного направления, не создал еще соответствующей этому направлению позитивной философии. Настала пора ее создать. Подобно Энциклопедии XVIII в. (критической) должна быть создана новая энциклопедия — положительная. Новая политическая система явится следствием этой новой философии⁶¹.

Центральной идеей новой философии будет идея единого закона, управляющего всеми явлениями вселенной. Человеческий разум от идеи многих одушевленных причин переходил к идее единой одушевленной причины (политеизм — монотеизм). Далее от этой идеи человек возвысился до понимания законов, управляющих явлениями. Следующий шаг — верование в единый закон⁶². Единый закон должен сменить единого бога — это мысль совершенно отчетливо формулируется Сен-Симоном. Он даже знает, какой это закон: «Идея тяготения должна играть роль абсолютной общей идеи и заменить идею бога»⁶³. Отсюда и преклонение Сен-Симона перед Ньютоном как перед великим мыслителем, установившим впервые единый общий закон. Идея бога устарела. Она соответствовала более примитивному состоя-

⁶¹ Saint-Simon. Oeuvres choisies, II, 14—15. Memoire sur la science de l'homme; I—VI. Du système industriel; II, 173—174. Travail sur la gravitation universelle.

⁶² Ibid., II, 33—34. Memoire sur la science de l'homme; 192. Travail sur la gravitation universelle.

⁶³ Ibid., II, 219. Travail sur la gravitation.

нию человеческих знаний и человеческого разума. Ребенок, ударившийся о камень, одушевляет его и кричит: злой камень! В этом возрасте, преисполненном жизни, все представляется еще живым. Становясь взрослым, человек перестает искать везде в природе жизнь. Точно так же человечество, придя к идее единой причины, одушевило эту причину, наложило на нее печать воображения. Сейчас вера в бога не нужна, потому что она ничуть не помогает уяснению законов природы. Кроме того, с ней не мирится здравый смысл. Признание всеведения, всемогущества и всеовершенство божества приводит к противоречиям, совершенно невыносимым. «Размышляя о богословской системе, нельзя не поражаться громадностью расстояния, отделяющего ее от современного состояния просвещения». Теизм так же пережил себя, как политеизм в эпоху Цицерона⁶⁴. Сейчас обосновать философию на идее одушевленной причины невозможно. Вместо того чтобы воплощать абстракцию, как это делают богословы и метафизики, надо из бога как существа извлечь идею закона. Не идея бога должна лечь в основу философской концепции, а идея тяготения⁶⁵.

Так, радикально порывая с существом «богословской» системы, Сен-Симон, однако, и в этот период сохраняет очень многое от ее

формы. По-видимому, ему представляется, что «простой народ», несмотря на проделанную с XV в. критическую работу, еще способен воспринять положительную философию в чистом виде. Поэтому отношение между истинными воззрениями философов и верованиями простого народа должно складываться так, как это было в Египте. «Лица, посвятившие себя изучению наук, должны верить, что вселенная управляется единым законом... Простой народ должен верить, что вселенной управляет всемогущее существо». Ученые должны, конечно, распространять свои знания в народе. Но они должны пользоваться для этого языком откровения, должны вкладывать в уста бога лучшие научные результаты своих работ⁶⁶. И сам Сен-Симон этому совету следует в весьма значительной мере. Его произведения являются причудливым сплетением обычной формы логических доказательств и формы откровения. Он несколько не стесняется «вкладывать в уста бога» восхваления Ньютону и проекты создания высшего научного совета, несколько не стесняется от имени бога провозглашать себя основателем новой религии: «...так говорил со мной бог»⁶⁷. В соответствии с этим свою положительную философию он называет религией, корпорацию ученых — духовенством, лишь преобразованным в связи с преобразо-

⁶⁴ Saint-Simon. Oeuvres choisies, II, 125—128. Memoire sur la science de l'homme.

⁶⁵ Ibid., II, 238. Travail sur la gravitation.

⁶⁶ Saint-Simon. Oeuvres choisies, II, 41. Memoire sur la science de l'homme.

⁶⁷ Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantim, XV, 57

ванием религии⁶⁸, духовенством, имеющим свою иерархию, аналогичную старой, и даже своего папу⁶⁹.

Получаются, таким образом, как бы две доктрины: одна — чисто теоретическая, позитивная, служащая для внутреннего употребления, другая — практическая, носящая характер откровения, служащая для пропаганды. В последних литературных произведениях Сен-Симона практический интерес, интерес к общественному преобразованию, достаточно сильный и в предыдущих работах, берет верх над интересом теоретическим. Вместе с тем религиозная форма, имевшая ранее значение своеобразного приспособления, становится чем-то самодовлеющим, позитивная наука и ее достижения превращаются лишь в средство, в материал для реформирования религии. Происходит как будто лишь легкое изменение в расположении тех же составных частей системы. А между тем в результате вместо позитивной философии, весьма рационалистически задуманной, хотя и возводимой в ранг религии из практических соображений, мы получаем новое христианство, настоящую религию чувства, моральное учение с потусторонней санкцией, хотя и с большим рационалистическим привкусом. Если от первой, несомненно, произошел позитивизм Конта, то второе послужило

⁶⁸ Saint-Simon. Oeuvres choisies, II, 24—25. Memoire sur la science de l'homme.

⁶⁹ Ibid., II, 249. Travail sur la gravitation.

исходным пунктом для религиозного учения позднейшего сен-симонизма. Конт, бывший непосредственным свидетелем этой эволюции, относит поворот Сен-Симона к «гуманитарному мистицизму» к 1818 г.

Историческое христианство — это, согласно общему построению Сен-Симона, теистическая система, в форме которой единобожие восторжествовало над многобожием среди европейских народов. Как таковое оно — пройденная ступень. Но мы знаем, что христианство в то же время — моральный принцип. Этот принцип формулируется Сен-Симоном так: люди должны относиться друг к другу, как братья. В ту эпоху, когда христианство возникало, всеобщее братство людей вследствие их невежества не могло восторжествовать в полной мере. Конкретным результатом провозглашения христианского принципа была, по мнению Сен-Симона, лишь отмена рабства. Христианство, как мы уже знаем, должно было идти на уступки, приспособляться к состоянию умов. В частности, оно должно было отказаться от подчинения своему моральному принципу светской власти: «кесарево — кесарю». Светская власть продолжала основывать свое могущество на праве сильнейшего. Отсюда — феодальная организация. Сейчас, утверждает Сен-Симон, прогресс цивилизации позволяет пойти дальше. Христианские народы достаточно подготовлены к полному усвоению христианской морали. Новое христианство должно прийти на смену старому, — новое христианство, которое, в проти-

воположность старому, подчинит себе свою власть и будет стремиться построить христианской морали всю систему общественных отношений⁷⁰.

Возможность применения основного принципа христианства к общественным отношениям влияет и на формулировку провозглашаемого им принципа; эта формулировка может быть гораздо более конкретной, чем она была в первоначальном христианстве. В новом виде формула братства людей гласит: религия должна направлять общество к великой цели наилучшего улучшения и участия наиболее беднейшего класса. В противоположность старому христианству доктрина нового христианства будет видеть в этом морально-социальном повелении саму главную свою составную часть. Новое христианство будет совершенно очищено от суеверий, привившихся к старому вследствие невежества людей. Это будет возвращение к чистой религии, свободной от теологии⁷¹. Культ и догматы вообще играют, по мнению Сен-Симона, большую роль, чем ближе мы к основам религии; по мере развития человеческого разума все большее значение приобретает в нем духовная сторона. Основная ошибка Лютера, который оказал большие услуги прогрессу своей критикой старого христианства, в том

состояла, что он считал необходимым восстановление и сохранение в обновленной религии тех догматов, какие были изложены в «Священном писании». Это было так же бессмысленно, как если бы математики, физики и прочие ученые стали утверждать, что разрабатываемые ими науки должны изучаться по первым произведениям, какие трактовали об их предметах⁷². Однако не следует думать, что Сен-Симон изгоняет из своего нового христианства всякую догму, превращая его в чистую моральную доктрину. Догма должна быть очищена согласно научным данным, она должна быть отодвинута на второй план, но все же догму новое христианство иметь будет⁷³. В своем последнем произведении Сен-Симон восстанавливает и личного бога и личное бессмертие, которое является наградой за служение великим земным целям⁷⁴. Он протестует даже против возможного подозрения в скептическом отношении к божественности основателя христианства⁷⁵. И все это говорится с такой серьезностью, которая заставляет подходить к новому «откровению» Сен-Симона несколько иначе, чем к его более ранним откровениям. Если это и грим для соблазна верующих, то грим, сделанный так искусно, что черт его не отличишь от черт живого лица.

⁷⁰ Saint-Simon. Oeuvres choisies, III, 321-325. Nouveau Christianisme; 269. Du système industriel.

⁷¹ Ibid., III, 328. Nouveau Christianisme.

⁷² Saint-Simon. Du système industriel, 275, 311

⁷³ Saint-Simon. Oeuvres choisies, III, 364—365. Nouveau Christianisme.

⁷⁴ Ibid., 328.

⁷⁵ Ibid., 331.

⁷⁶ Ibid., 365.

Вслед за догмой восстанавливается и культ. Новое христианство имеет свой культ и свое духовенство. Недостаточное внимание к культу — вторая ошибка, которую Сен-Симон ставит в вину Лютеру. Задача руководителей христианства состоит в том, чтобы показать всем людям основное правило христианской морали, чтобы приучить их применить его во всех перипетиях своей повседневной жизни. Христианская мораль будет, конечно, положена в основу воспитания. Но это мало. Необходимо пользоваться всеми средствами, чтобы толкать мысль людей в нужном направлении. Необходимо возбуждать их страх картиной бедствий, которые постигнут, если они уклонятся от исполнения предписаний морали, и картиной радости с которыми сопряжено их соблюдение. «Достаточно чтобы вызвать в этих двух направлениях наиболее сильное и полезное действие, нужно комбинировать все средства, в возможности, какие могут предложить искусства».

Сен-Симон мечтает о развитии культа советными усилиями проповедников, поэтов, музыкантов, скульпторов и архитекторов. В искусства должны соединиться, чтобы сделать культ полезным обществу, чтобы через культ перевоспитать человечество в духе христианской морали⁷⁷.

⁷⁷ Saint-Simon. Oeuvres choisies, III, 358—360 Nouveau Christianisme.

Присвоение нового христианства и построение на его основе общественной системы, утверждает Сен-Симон, — единственный выход из кризиса, в котором находятся европейские общества со времени разрушения феодально-богословской системы. Положение новой Европы аналогично положению Римской империи перед распространением христианства. Человечество было спасено от разложения и поднялось на новую ступень благодаря старому христианству. Точно так же сейчас оно будет спасено новым христианством. И поведение первоначальных христиан должно быть образцом для проповедников нового христианства. Единственное средство его распространения — убеждение. «Пусть нас преследуют, как и первых христиан, — говорит Сен-Симон, — нам совершенно возбраняется употребление физической силы»⁷⁸.

Новое христианство, подобно христианству первоначальному, будет поддерживаться, распространяться и защищаться силой морали и общественного мнения. Положение таково, что можно ожидать насилий, восстаний со стороны бедных классов. Но насильственные средства годятся только для разрушения, а не для созидания. Необходимо принять все меры, чтобы распространение нового учения «не толкнуло бедный класс к актам насилия».

⁷⁸ Saint-Simon Du système industriel, 284—286

против богатых и правительств»⁷⁹. Поэтом то Сен-Симон и считает нужным обращаться со своей проповедью не к этому наиболее заинтересованному в торжестве нового христианства белному классу, а к богатым и сильным. Обращаться к бедным, по его мнению, опасно. И вот Сен-Симон создает совершенно неправдоподобную теорию, согласно которой над установлением нового общественного строя всегда трудятся с наибольшим жаром не те, кто в нем заинтересованы. «Страсть к общественному благу имеет гораздо большее значение в деле политических улучшений, чем эгоизм тех классов, которым эти перемены принесут наибольшую пользу». Эту мысль Сен-Симон подтверждает опять-таки ссылкой на основателей христианства, принадлежавших будто бы совсем не к тем группам населения, которым установление христианства должно было принести пользу. Общественное преобразование будто произведено силой нравственного чувства силой энтузиазма⁸⁰.

Впрочем, богатые и сильные должны пойти за новым христианством не только в силу нравственных побуждений, но и в силу своих интересов. Сен-Симон убежден, что осуществление основного принципа нового христианства — улучшение морального и физического существования бедного класса — нево-

⁷⁹ Saint-Simon. Oeuvres choisies, III, 372-373. Nouveau Christianisme.

⁸⁰ Saint-Simon. Du système industriel, 299-310.

жно иными средствами, кроме тех, которые увеличивают наслаждение богатого класса. Эту мысль он подкрепляет соображением, в котором уже приходилось упоминать в другой связи: художники, ученые и руководители промышленных предприятий принадлежат к классу работников; их интересы по существу совпадают с интересами народных масс, они — естественные вожди рабочих, единственные вожди, заслуживающие доверия⁸¹. Ученики Сен-Симона, подчеркивая религиозную сторону системы, склонны преувеличивать значение религиозного энтузиазма в деле общественного преобразования. Политической борьбой они, за редкими и случайными отступлениями, не интересуются. Сам Сен-Симон, при всем религиозном идеализме его последних произведений, все же некоторой частью существа остается до конца весьма трезвым политиком-реалистом, делающим выводы по отношению к будущему из своего анализа исторического прошлого и настоящего. Преобразование, полагает он, невозможно без усвоения новой религии, без религиозного энтузиазма. Но, с другой стороны, оно происходит в обстановке реальной политической борьбы и само должно носить форму такой политической борьбы. Оно должно быть совершено какой-то политической силой. Мы уже знаем, что, по учению Сен-Симона, исторический процесс выдвигает в качестве крупнейшей политической силы промышленников.

⁸¹ Saint-Simon. Oeuvres choisies, III, 373. Nouveau Christianisme.

Мы знаем, что промышленники сами заинтересованы, по мнению Сен-Симона, в преобразовании, ставшем необходимым для дальнейшего развития общества, что в будущем обществе он отводит им значительную роль. Совершенно естественно, что Сен-Симон приходит к выводу о необходимости организации политической партии промышленников. Основным ядром этой партии должна послужить организация парижских промышленников «так как политические интересы Европы обсуждаются во Франции, а социальные интересы Франции обсуждаются в Париже». Парижским промышленникам будет нетрудно организовать, потому что они составляют в Париже самый многочисленный и влиятельный класс; а за ними неизбежно последуют промышленники Франции и затем всей Европы. В этой связи следует отметить, что уже в 1816 г. Сен-Симон вел переговоры с представителями парижской либеральной буржуазии стремясь получить их поддержку в деле издания задуманного им журнала «L'Industrie», посвященного пропаганде преимуществ промышленного строя над военным. Этот союз с либералами был, как и следовало ожидать, кратковременным. После выхода третьего тома «L'Industrie» большинство буржуа сочло необходимым отмежеваться от Сен-Симона.

Промышленная партия, как представляет себе Сен-Симон, радикально отличается от партий консервативной и либеральной, поскольку последние связаны с феодальным и промежуточными классами: их цель — либо

сохранение феодализма, либо его использование в своих интересах; целью промышленной партии будет установление новой системы. Организация промышленной партии в европейском масштабе поведет с необходимостью к утверждению в Европе промышленной системы и к уничтожению системы феодальной⁸².

Признание закономерности и необходимости политической борьбы отнюдь не противоречит представлению Сен-Симона о мирном характере грядущей победы нового христианства. Образование партии промышленников произойдет, полагает он, мирным путем, Средства насилия здесь совершенно не нужны, потому что у существующих правительств не может быть никаких оснований противодействовать ее образованию. Это будет партия мирная и моральная. Она будет стремиться действовать при посредстве общественного мнения, а никакое правительство не может помешать образованию общественного мнения. Более того, основная политическая сила современного общества — королевская власть — не только не заинтересована в противодействии промышленникам, она, наоборот, заинтересована в успехе их начинаний. Королевская власть, утверждает Сен-Симон, отнюдь не связана органически с силами феодального общества. Она, как мы уже видели, в борьбе промышленников против феодалов стояла некогда на стороне первых. Короли

⁸² Saint-Simon. Oeuvres choisies, III, 103—105. Catéchisme des industriels.

Франции способствовали в тот период естественному ходу вещей. По мнению Сен-Симона, нет никаких оснований для них отказываться от этой роли и сейчас. Оттого, что король объявит, что промышленники составляют первый класс среди его подданных, оттого что он призовет промышленников к управлению общественным достоянием, его авторитет не станет меньше. А так как преобразование вызовет общее повышение благосостояния и довольства всей нации, то привязанность народа к королю, ставшему во главе движения в пользу преобразования, будет еще больше, чем была до того. Промышленная система противоречит королевской власти. Король в ней будет первым промышленником, как ранее был первым дворянином. Исходя из этих соображений, Сен-Симон в «Катехизисе промышленников» и в «Системе промышленности» рассчитывает на королевскую власть как на опору в борьбе за промышленный строй, как на один из фактов, действующих в направлении ставшей исторически необходимой общественной реорганизации⁸³. В «Новом христианстве» он выражает ту же мысль в свойственной этому произведению форме религиозного призыва. Государи Европы, говорит он, объединились под знаменем христианства в Священный союз. Но их поведение далеко не соответствует проводимым Сен-Симоном нормам истинного

⁸³ Saint-Simon. Oeuvres choisies, III, 112-113. Catéchisme des industriels.

христианства. Они поддерживают старую систему власти меча, власти кесаря. И Сен-Симон считает необходимым обратиться к ним с призывом: «Государи! Прислушайтесь к голосу бога, говорящего вам моими устами, станьте вновь добрыми христианами, перестаньте считать наемные армии, дворянство, еретическое духовенство и нечестивых судей главной опорой. Объединенные во имя христианства, сумейте выполнить все обязанности, которые оно налагает на власть имущих. Помните, что оно предписывает им употребить все силы на то, чтобы возможно быстрее увеличить социальное счастье бедняка»⁸⁴.

Весьма высоко оценивая роль королевской власти и промышленников в предстоящем перевороте, Сен-Симон далеко не с такой определенностью высказывается о политической роли третьего его элемента, которому в будущей промышленной системе отводится видное место, — интеллигенции, т. е. ученых и художников. В той политической партии, о которой мечтает Сен-Симон, они, во всяком случае, занимают второстепенное место. Ученые, говорит Сен-Симон, оказывают промышленникам большие услуги, но сами обязаны им большим — своим существованием. Промышленный класс доставляет ученым не только то, что удовлетворяет их непосредственные потребности, но и орудия их научной работы. Промышленный класс — основной класс, без него не может существовать ника-

⁸⁴ Ibid., III, 380—382. Nouveau Christianisme.

кой другой. Он может поставить другим классам условия, какие пожелает. Поэтому с призывом об организации новой партии Сен-Симон и считает нужным обращаться к промышленникам, а не к ученым⁸⁵.

Деятельность ученых и художников крайне важна в другой области: в области подготовки новой общественной философии и ее пропаганды. Ученые должны доказать возможность увеличения в новом порядке благосостояния всех классов общества. Они должны выяснить средства, обеспечивающие непрерывность труда массы производителей, разработать основные принципы общественного образования, установить законы гигиены социального организма: в их руках политика должна быть дополнением к науке о человеке. Люди искусства, люди с богатым воображением, будут содействовать преобразованию свойственными им средствами. Они возвестят будущее человечества, они отнимут у прошлого золотой век и перенесут его в будущие поколения, они воодушевят общество, нарисовав перед ним прекрасную картину новых успехов, дав ему почувствовать, что вскоре все члены общества будут пользоваться наслаждениями, которые до того были уделом лишь одного, весьма малочисленного класса.

⁸⁵ Saint-Simon. Oeuvres choisies, III, 197. Catéchisme des industriels. В вопросе о соотношении этих двух групп — промышленников и интеллигенции — Сен-Симон испытал известную эволюцию. В ранних произведениях он отводит ученым более значительную роль.

Задача промышленной партии будет состоять в том, чтобы взять управление государством из рук дворян, военных и законников и передать его в руки промышленников. Этот исторический акт, как и вся деятельность партии, будет, по мнению Сен-Симона, мирным актом. Да и с кем, спрашивает Сен-Симон, была бы нужна насильственная борьба? Ведь промышленники составляют двадцать четыре двадцать пятых общества. Они преобладают чисто физически. Они производят все богатства и владеют денежными средствами. Они превосходят других своей интеллигентностью и своими деловыми способностями. И человеческая и божественная мораль призывает их к управлению государством. Сможет ли кто-либо бороться против такой силы. Когда промышленники организуются, власть совершенно естественно перейдет в их руки. Их политическое мнение будет общественным мнением, а общественное мнение правит миром⁸⁶.

* * *

Социальное учение Сен-Симона не может быть признано социалистическим в том смысле, в каком мы употребляем это слово в наши дни. Сен-Симон сохраняет в своем идеальном обществе частную собственность, классы предпринимателей и рабочих, предпринимательскую прибыль. Сен-Симон нигде не гово-

⁸⁶ Ibid., III, 72—75; 104 etc. Catéchisme des industriels.

риг об обобществлении средств производства хотя бы даже частично. «Промышленная система» имеет черты, сближающие ее с государственным капитализмом. Частные интересы отдельных предпринимателей в известной мере подчинены в ней интересам «общим», но поскольку правящим классом являются те же предприниматели, совершенно ясно, что эти «общими» интересами должны оказаться интересы класса предпринимателей, взятого в целом. Учение Сен-Симона не есть манчестерство, как это утверждал Г. Экштейн, хотя в ранних работах Сен-Симона, направленных против феодального порядка, имеются заявления, осуждающие вмешательство государства в дела промышленности⁸⁷. Учение Сен-Симона утопически стремится преодолеть анархию капиталистического строя, не затрагивая его основ. В полном соответствии с таким характером будущей общественной системы находится и «революция», которая к ней должна привести. Это — мирный переворот, производимый одним из господствующих классов против другого при благосклонном содействии королевской власти, переворот, в котором участие масс нежелательно и опасно. Сен-Симон верит, что результаты промышленной системы будут благодетельны для масс, для беднейшего класса. Но сам этот «беднейший класс» должен, по его мнению, оставаться пассивным, предоставляя

⁸⁷ G. Eckstein. Der alte und neue Simon. Archiv für die Geschichte des Sozialismus, II, 432.

представительство и защиту своих интересов своим «естественным» руководителям — предпринимателям.

Рядом своих существенных положений система Сен-Симона совпадает с общераспространенными положениями буржуазной идеологии первой четверти XIX в. Как и признанные выразители интересов буржуазии, Сен-Симон идеализирует в начале своей деятельности диктатуру Бонапарта, возлагая на него свои упования в деле реорганизации общества. Как и они, он затем критикует Бонапарта как создателя «нового феодализма». Вместе с ними он ведет при Реставрации борьбу с «обломками феодализма», расширяя пути для полного торжества «промышленников». Подобно им Сен-Симон видит в истории последних веков прежде всего историю промышленности и падения старых феодальных групп. Подобно им он с ужасом вспоминает революционные годы, боится нового выступления общественных низов и мечтает о союзе промышленников с королем, о «промышленной монархии». Подобно им, наконец, он идеализирует и увековечивает систему наемного труда, «общественную пирамиду». Тем не менее характеризовать Сен-Симона просто как одного из буржуазных идеологов было бы неправильно, ибо это совершенно не уясняет своеобразных особенностей его системы.

Общественный план работ, ассоциация, превращение государства в организацию производства, обязательный труд, иерархия способностей, духовная власть ученых — тако-

вы своеобразные черты учения Сен-Симона. Их совокупность, их сочетания сделали сенсимонизм непримлемым для общественно-классового общества, к которому Сен-Симон обращался по преимуществу,— для буржуазии. Она ни в малой степени не соответствовала его построениям. Для буржуазии этого периода с индивидуалистическими стремлениями идея общественной организации труда должна была казаться нелепым чудачеством. / Понятие возникновения специфических особенностей системы Сен-Симона можно только исходя из настроений общественной группы, тесно связанной в своем развитии с развитием промышленности, близко стоящей к буржуазии по условиям своего существования, отнюдь враждебной капитализму, но все же подходившей к социальным вопросам с несколько иной точки зрения,— из настроений квалифицированной, по преимуществу технической интеллигенции. Сен-Симон не принадлежал к этой группе по своему социальному происхождению. Но вкус к широким замыслам большого научного и технического размаха был присущ ему на всем протяжении его жизненного пути, начиная с плана Панамского канала и кончая мечтами о превращении земного шара в рай путем применения все достижений науки для его переделки. К высококвалифицированным кругам интеллигенции наиболее тяготел Сен-Симон, в них главным образом вращаясь в тот период, когда в его сознании закладывались основы его социальной системы.

Высокая оценка точной науки как основы технического прогресса, в противовес метафизике и юридической схоластике, в этой среде была чем-то само собой разумеющимся. Признание соответственной роли людей положительной науки в управлении обществом было простым логическим выводом из этой оценки. Заслуживает внимания, что Сен-Симон в проектируемой им Академии наук отводит место трем категориям ученых: математикам, физикам и экономистам. Это, как мы видим, представители дисциплин, наиболее важных для технического и организационного прогресса производства, т. е. люди, представляющиеся Сен-Симону естественными руководителями и учителями технической интеллигенции. Не менее близка была для той же группы идея иерархии способностей и обязательного труда. Трудом и способностями выдвигается на руководящий пост инженер; в отличие от собственника орудий производства он связан с производством не правом, фиксированным в гражданском кодексе, а своими личными знаниями и талантом. С точки зрения Сен-Симона понятен принципиально различный подход к капиталисту, пассивно получающему доход со своего капитала, и к капиталисту-организатору. Первый — тунеядец, второй — труженик; первый имеет возможность жать, где не сеял, каким бы ничтожеством он ни был по существу; второй преуспевает в меру своих организаторских дарований. Мы знаем, что Сен-Симон действительно из класса промышленников исключает собствен-

ников, не руководящих промышленностью, относя их к промежуточным классам, не играющим существенной роли в экономике общества. Наконец, только в той же среде могла зародиться и мысль Сен-Симона о подчинении всего производства единому плану. Техническому организатору производства более, чем кому-либо иному, понятны преимущества централизованной организации. Он не может не сознавать, даже в эту эпоху, что индивидуалистическая система ставит препятствия наиболее целесообразному использованию новых производительных сил. Не будучи сам собственником орудий производства, он может позволить себе мечту (утопическую в данной обстановке) об общественном плане использования достижений технического прогресса. Таковы были общественные настроения, которые, преломившись в сознании Сен-Симона, придали его учению индивидуальные черты, вынуждающие отнести ему совершенно обособленное место в ряду мыслителей начала XIX в.

К концу своего жизненного пути, очевидно под влиянием роста во Франции капиталистических отношений, обострения классовых противоречий, ускорения процесса пролетаризации масс, Сен-Симон все с большей четкостью формулировал, все резче выдвигал на первый план те положения его системы, которые позволяют говорить о ее социалистических тенденциях: идеи общественного плана работ, иерархии способностей, принцип наибольшего блага наиболее многочисленного класса. Эти

положения могли послужить и действительно послужили впоследствии основанием для построения социалистической системы. Сам Сен-Симон, как мы уже говорили, не делает из них последовательно социалистических выводов, они остаются у него социалистическими, так сказать, в потенции. Тем не менее та энергия, тот пафос, с которыми он на них настаивал, сыграли немалую роль в подготовке умов к усвоению идей социализма и в этом смысле служили интересам растущего рабочего класса.

Уже этого достаточно, чтобы отнести Сен-Симону почетное место в истории социализма. Но не меньшее значение для дальнейшего развития социалистической мысли имела и другая сторона учения Сен-Симона — его философия истории. Идеалистическая в своей основе, своим последовательным детерминизмом, свойственным ей представлением о диалектическом характере исторического процесса, характерными для нее попытками вскрыть классовую сущность общественного развития и общественной борьбы его времени сен-симоновская философия пролагала пути материалистическому пониманию истории. Припомним нарисованную Сен-Симоном картину роста промышленности с XI в. и борьбы промышленников с феодальным обществом, — борьбы, завершающейся Французской революцией. Материалистические моменты в философии истории, как и социалистические моменты в «промышленной системе», не додуманы Сен-Симоном до конца. Но в развитии исторической науки они сыграли свою, весьма существенную роль.

СОЦИАЛЬНОЕ УЧЕНИЕ
РАННЕГО СЕН-СИМОНИЗМА

I.

Анри де Сен-Симон, мыслитель тонкий глубокий, оставил после себя большое и весьма разнообразное литературное наследство. Но менее всего заботился о том, чтобы придать своим взглядам форму продуманной и последовательной системы. Сложить воззрения Сен-Симона в систему значило создать нечто новое: надо было много несвязного связать, много недодуманного додумать. Эту задачу завершения оставшейся незавершенной работы взяла на себя после смерти Сен-Симона в 1825 году небольшая группа его друзей и учеников (Оленд Родриг, Леон Алеви, Давид Вернье и др.), к которым вскоре присоединились два новых сторонника идей Сен-Симона занявших в дальнейшем среди сен-симонистов руководящее положение — Анфантен и Базар.

Анфантен пришел к сен-симонизму, обладая значительной начитанностью в просветительской литературе XVIII в. и в современной ему буржуазной политической экономии. Произведения последних лет жизни Сен-Симона, ос-

бенно «Катехизис промышленников», произвели на Анфантена большое впечатление. В 1825 г. мы видим его уже в основной группе. Базар был активным деятелем революционной борьбы времени Реставрации, участвовал вместе с Бюше в организации французских ячеек движения карбонариев. К середине 20-х годов Базар, очевидно, разочаровался в плодотворности политической борьбы и увлекся учением Сен-Симона. В 1825 г., вскоре после смерти учителя, ученики приступили к изданию первого сен-симонистского журнала «Le Producteur».

Издание «Le Producteur» (1825—1826) значительно содействовало сплочению сен-симонистов и разработке сен-симонистского учения. В числе сотрудников «Le Producteur» кроме указанных выше мы видим Серкле, Адольфа Бланки, Руана, Огюста Конта. Статьи журнала были объединены единством основной точки зрения, единством философской традиции, несомненно восходящей к Сен-Симону. В начале 1826 г. в составе редакции «Le Producteur» произошли изменения. С 1 апреля журнал принял более определенный характер пропагандиста сен-симонистской доктрины, что было отмечено появлением в нем нового проспекта. В мае 1826 г. в статьях Оленда Родрига Сен-Симон был открыто провозглашен учителем и основоположником доктрины, которую защищал «Le Producteur».

Основную задачу издания журнала сен-симонисты видели, несомненно, в том, чтобы ознакомить с системой учителя широкие кру-

ги интересующихся социальными проблемами читателей. Но с первого же номера журнала мы находим в его статьях новые черты, иногда дополняющие выдвинутые Сен-Симоном положения, иногда намечающие новые выводы из этих положений. Особенно выделялись в этом смысле статьи О. Конта, который в 1817 г. был в течение некоторого времени сотрудником Сен-Симона. Его считали еще в 1825 г. принадлежащим к сен-симонистской школе, но в его статьях в «Le Producteur» уже совершенно ясно вырисовываются контуры его собственной философии.

Вводная статья журнала, написанная Серкле, указывала, что журнал имеет целью развить принципы философии, в основе которой лежит человеческая природа. Назначением рода человеческого на земле статья объявляла эксплуатацию внешней природы и ее преобразование к наибольшей выгоде человечества. Движение к этой общей цели, утверждал автор, определяется тремя направлениями, соответствующими трем категориям человеческих способностей: способностям физическим, моральным и интеллектуальным. Общественный смысл движения человечества может быть определен термином «прогресс». Все более точное представление о назначении человека и его силах ведет человечество к непрерывному улучшению его ассоциации.

Философия журнала, говорится в одной из его статей, позитивна и в своей цели и в своем методе. Она отбрасывает всякие рассуждения о непознаваемом и о нераз-

решимых проблемах происхождения и судеб вещей. Его социальная теория научна и экспериментальна. Она не принимает характерного для XVIII в. учения об абсолютном значении чисто отрицательного понятия свободы и идеи ложного равенства; но ей чужда также мысль о приспособлении к новым условиям устарелых организаций, которые не имеют уже никакой цены. Пропаганда журнала не связана ни с либерализмом, ни с католицизмом⁸⁸.

Политические формы, опирающиеся на базу индивидуализма, по мнению редакции «Le Producteur», ложны в своей основе. Политика должна исходить не из отвлеченных идей свободы, национального суверенитета и т. п., а из позитивного изучения общества и его развития. «Индивидуализм» и «свобода» сыграли свою роль в борьбе с отжившими порядками, препятствовавшими прогрессу. Они очистили мир, но не могут его оплодотворить. Теперь творческая роль должна принадлежать науке. В научно организованном обществе нет почвы для угнетения, а следовательно, и для борьбы за свободу⁸⁹.

Сен-Симон, утверждает журнал, указал историческим знаниям новую цель. История для него — позитивная наука. Это — социальная физика. Задача историка — классифицировать факты, открывать законы их связи, показывать, до какого пункта дошло в своем развитии человеческое общество, отмечать в нем за-

⁸⁸ «Le Producteur», I, 5—7.

⁸⁹ Ibid., II, 167.

родыши смерти и предусматривать его будущую судьбу⁹⁰.

Исторический путь ведет человечество от раздробленности к единству, от войны к миру, от антагонизма к росту и расширению ассоциации, обеспечивающей гармонию между общими и индивидуальными интересами. Эта характеристика основного направления исторического процесса присуща сен-симонизму на всех ступенях его развития. В исторических построениях журнала «Le Producteur» мы наряду с нею встречаем формулу, хотя также в основном восходящую к Сен-Симону и приобретающую впоследствии широкую популярность как одно из основных положений исторической философии позитивизма. Это положение о смене трех последовательных стадий в ходе исторического развития человечества: теологической, метафизической и позитивной.

Будущее общество «Le Producteur», следуя за Сен-Симоном, определяет как общество индустриальное, как состояние, ставящее себе целью эксплуатацию земного шара объединенным человечеством при помощи всех средств, какими оно располагает — средств материальных, моральных и интеллектуальных. Индустрия, наука, искусство — таковы три пути деятельности человечества.

Общество, осознавшее основные тенденции своей жизни неизбежно откажется, утверждает «Le Producteur», от современной формы управления⁹¹. Общество сумеет найти новую

⁹⁰ «Le Producteur», IV, 406.

⁹¹ Ibid., II, 487.

форму, соответствующую его потребностям, сумеет научно организовать высшую власть, которая будет законной и необходимой. Первое место в общественной организации будет занимать духовная власть, которая имеет своей функцией управление мнениями, установление принципов и закономерностей различных сфер деятельности будущего общества⁹².

Современное общество переживает состояние анархии. С этой анархией связана идея свободного исследования. Человеческая мысль неизбежно вернется к догме, догматизму — естественное состояние человеческого разума, к нему разум тяготеет по своей природе⁹³. Общие правила поведения могут начертать для общества лишь люди, исключительно активные в спекулятивном направлении. Необходимая и неизменная основа общественного и частного благополучия — вера спонтанная, требующая доказательств, догма, провозглашаемая компетентным авторитетом⁹⁴.

Только такая догма создаст нужные условия для морального объединения людей. В индустриальном обществе более, чем в каком-либо ином, необходима моральная власть, необходимо непререкаемое догматическое руководство; для того, чтобы вести человечество к высоким целям, надо обеспечить согласие между богатыми и бедными, предпринимате-

⁹² «Le Producteur», II, 314.

⁹³ Ibid., 359.

⁹⁴ Ibid., II, 359; 360; III, 118.

лями и рабочими⁹⁵. Однако универсальную догму составляют не идеи, полученные из откровения, но идеи доказанные, прогрессивные, рациональные. Какие основания отрицать законность духовной власти, основанной на авторитете знания, спрашивает журнал в одной из своих статей. Могут сказать, что та же власть установит неравенство между людьми, но «Le Producteur» вовсе не стремится к равенству: неравенство не только существует, оно является всегда стимулом человеческого прогресса.

Высшая духовная власть осуществляется корпусом ученых. Источник духовной власти — в гении отдельных людей. Они открывают средства физического и морального усовершенствования людей и передают их массам. Гений по природе несет обязанности управлять и воспитывать, поддерживать социальный порядок. Он обучает, повелевает и подавляет тех, кто покушается на общественное устройство, которое он же устанавливает как базу своего воздействия на общество⁹⁶.

Религиозность окраски, которую идея духовной власти получила у сен-симонистов впоследствии, мы в «Le Producteur» еще не находим. Но сообщество ученых, осознавшее свою цель и преследующее эту цель, является несомненно, своеобразным рационалистическим подобием духовенства⁹⁷.

Организация производства и распределения в будущем обществе в «Le Producteur» лишь слегка намечена. Принцип авторитета, столь характерный для концепции сен-симонистов, получает применение и в системе производства. В настоящее время, утверждают сен-симонисты, материальная деятельность, освобожденная революцией от ее старых уз, поработана идеей свободы⁹⁸. Распределение труда отдано на волю случайностей, индивидуальной инициативы и конкуренции. На этой почве вырастают антагонизмы внутри общества, вражда между предпринимателями и рабочими, нищета, взаимная ненависть между нациями. Беспорядок и случайность царят там, где должны царить порядок и направление, ненависть и разделение там, где нужна ассоциация и согласие. В идеальном обществе каждый должен отдавать свои силы тому виду деятельности, который наиболее соответствует его способностям или навыкам: если бы каждый делал то, что ему нравится, все были бы счастливы⁹⁹.

Население всего земного шара должно составлять дружественное единство, имеющее единый интерес и единую мысль, служащее уже известной нам общей цели — полной и методической эксплуатации нашей планеты¹⁰⁰. Сблизим нации в труде, восклицает автор одной из статей журнала.

«Ассоциация» — термин, который употреб-

⁹⁵ «Le Producteur», II, 529.

⁹⁶ Ibid., IV, 479.

⁹⁷ Ibid., II, 108—109; IV, 459.

⁹⁸ «Le Producteur», I, 13.

⁹⁹ Ibid., II, 324.

¹⁰⁰ Ibid., I, 125.

ляет «Le Producteur» как для характеристики будущей организации производства, так и для характеристики тех путей, которые должны к этой организации привести. Большое внимание уделяет журнал так называемой командитарной ассоциации (L'association commanditaire). Это — кредитное учреждение, деятельность которого служит высоким целям реорганизации общества. Его капиталы составляются из взносов пайщиков — капиталистов Франции, Англии, Германии. При руководящем центре командитарной ассоциации должны быть сосредоточены способнейшие ученые и промышленники. Этот совет ассоциации имеет своей задачей оценку предложений, направляемых в ассоциацию предприятиями желающими воспользоваться кредитом. Непосредственная задача ассоциации как кредитного учреждения состоит в том, чтобы поощрять прогресс производства, поддерживать способнейших организаторов индустрии, стремящихся ввести в промышленность улучшенные методы. Сен-симонисты предполагают что командитарные ассоциации будут заинтересованы в процветании как крупных, так и мелких предприятий. Они будут содействовать подъему множества мелких собственников, заслуживающих поддержки по проявляемым ими способностям. Через ассоциацию крупные капиталы будут как бы просачиваться в производство по множеству мелких каналов. Это будет, по мнению сен-симонистов, лучшим средством преодоления «узких предрасуд-

ков» об антагонизме между формами промышленности, это будет верным путем к слиянию индивидуальных интересов, к развитию позитивного чувства общего интереса¹⁰¹.

Сен-симонисты не забывают выдвинутого их учителем положения о необходимости улучшения участи наиболее многочисленного и наиболее бедного общественного слоя — пролетариата. В своих кредитных операциях командитарная ассоциация должна учитывать влияние предлагаемых новых методов работы на жизнь и здоровье рабочих, на их права. Рабочие, напоминают они, — первопричина и главная цель производства. По-видимому, сен-симонисты предполагают, что при содействии ассоциации рабочие, проявившие наибольшие способности, будут переходить в ряды мелких предпринимателей. Кредитная система, связывающая способности с капиталами, утверждают они, поднимет моральную энергию рабочих, обнаружит и снабдит средствами «бедных изобретателей»¹⁰². Мощная организация кредита, связывающая спрос промышленников и предложение капиталистов, предоставив капиталы в распоряжение трудящихся, будет содействовать их распределению в обществе в соответствии со способностями, сотрет грани между трудящимися и праздными, содействуя в то же время росту общественного богатства.

Кредитная система составляет основное звено в изображаемом сен-симонистами процессе общественного преобразования. Как мы ви-

¹⁰¹ «Le Producteur», II, 18, 32, 110.

¹⁰² Ibid., I, 37.

дим, проект сен-симонистов не затрагивает ни права собственности, ни права наследования. В одной из статей журнала, написанной Анфантенем, имеются довольно резкие выпады против права наследования и его моральных последствий. Анфантен заявляет, что отмена права наследования не должна бы вызывать возражений. Но он считает, что кредитная система совершенно безболезненно приведет к тому же результату — к торжеству прав собственности.

Построенная при помощи командитарных ассоциаций идеальная организация промышленного труда, как мы знаем, требует, по теории сен-симонистов, для своего правильного функционирования руководства со стороны духовной власти. Полезная деятельность в области промышленности должна быть направлена компетентным ученым комитетом, а не неловкими эмпириками. Только научное знание открывает обществу его единственную цель. Рассчитывать при ее осуществлении на индивидуальную инициативу каждого — это значит пользоваться ненаучными методами, чреватými тяжкими ошибками. Только представители знания, обладающие непререкаемой властью, способны регулировать движение общества вперед — без потрясений, без братоубийственной войны; способны вести его к великой цели — к братской эксплуатации земного шара.

Три направления деятельности человечества — наука, индустрия, искусство — должны быть, по мнению сен-симонистов, комбиниру-

ваны в целях общего блага. Мы уже знаем, как связывают сен-симонисты науку и индустрию. Но в социальной жизни весьма существенна также роль искусства. В существующем обществе в соответствии с его анархическим характером искусство подчиняется ложным капризам. Истинная задача искусства — организовать и двигать массы во имя великих социальных целей, организовать трудящихся во имя труда¹⁰³.

Влияние «Le Producteur» было невелико, хотя многие органы либеральной прессы обратили внимание на его пропаганду и в общем довольно резко осудили ее, обвинив сен-симонистов в реакционных стремлениях воскресить старый, отживший свое время догматизм. В октябре 1826 г. «Le Producteur» прекратил свое существование. Некоторые из его сотрудников покинули ряды сен-симонистов, но основное их ядро осталось верно учению Сен-Симона в той форме, которую оно приняло в статьях «Le Producteur». Работа в журнале закрепила их идейные связи друг с другом; в своих беседах и публичных выступлениях они продолжали развивать, уточнять и пропагандировать основные положения их «новой веры». В 1828 г. они пришли к решению о необходимости дать связанное и общее изложение системы Сен-Симона в форме лекций, в возможно более полном объеме. Из записи этих лекций, прочитанных в 1828—1829 гг., возникла книга, которой ее авторы дали название «Учение Сен-Симона. Изложение». Однако

вопреки этому заглавию книга отнюдь не была простым изложением идей Сен-Симона. Ученики Сен-Симона в «Изложении учения» не только систематизировали доктрину учителя; продолжая работу над ней, начатую им в журнале «Le Producteur», они сделали из положений Сен-Симона ряд новых и весьма существенных выводов, которых мы у самого Сен-Симона не находим.

II

«Изложение учения» — новый и большой шаг вперед в развитии социальных идей начала XIX в., новая ступень, соединяющая Сен-Симона с социальными мыслителями следующего поколения. Эту книгу можно и должно поэтому расценивать самостоятельно, независимо от той оценки, которую мы даем проведению самого Сен-Симона и его идеям.

Лекции, вошедшие в состав «Изложения», читались самым выдающимся представителем сен-симонизма — С. А. Базаром¹⁰⁴. Но содержание их предварительно обсуждалось в тесном кругу руководителей сен-симонистской «школы». Известно, что в обсуждении принимали участие Анфантен, О. Родриг и ряд других лиц. Записи лекций были вновь коллектив-

¹⁰⁴ В литературе о сен-симонизме встречается упоминание на то, что лекции пятая, двенадцатая и тринадцатая были прочитаны О. Родригом, а восьмая, шестнадцатая — Анфантенем. Такое мнение основано на сообщении сен-симониста Фурнеля в его «Bibliographie saint-simonienne». Однако в других источниках мы не находим подтверждения этому сообщению.

но отредактированы. Книга должна была отразить идеи, разделяемые всей основной группой последователей Сен-Симона. Естественно, что она вышла без указания имени автора.

Различные части учения Сен-Симона остались после его смерти не в равной мере доработанными. Наиболее отчетлива и ясна его философско-историческая концепция и связанный с нею анализ существующего общества. Наименее определенны его представления о будущем человечества, — о том самом будущем, близость которого он провозглашал. В «Изложении» мы находим больше принципиально новых элементов именно в учении о будущем. Но большая ясность социальных перспектив сообщает большую ясность и историческим оценкам. Поэтому и в характеристике исторического процесса «Изложение» дает формулы более отчетливые, более заостренные, чем соответственные формулы Сен-Симона.

Для сен-симонистов, как и для их учителя, общественный идеал не есть нечто раз навсегда данное, нечто, вытекающее логически из каких-либо априорных посылок. То будущее, которое они возвещают, есть для них неизбежный результат закономерного исторического процесса, связывающего прошлое с будущим, как причину и следствие¹⁰⁵. Философия истории является, таким образом, основанием всей системы сен-симонистов, как она дана в «Изложении».

¹⁰⁵ Doctrine de Saint-Simon. Exposition. Première année, 1829. Nouvelle édition par C. Bouglé et Elie Halévy. Paris, 1924, p. 176.

История не есть простой рассказ о прошлом, утверждают сен-симонисты вслед за своим учителем. Цель ее — раскрытие будущего, которое вытекает из прошлого. История должна быть позитивной наукой, ее метод тот же, что у наук естественных¹⁰⁶. Развитие человеческого общества не имеет в себе ничего случайного, жизнь общества так же закономерна, как любой ряд явлений, изучаемый какою-либо из естественных наук. Представления сен-симонистов об историческом процессе, таким образом, последовательно детерминистичны. Их система решительно порывает с традицией XVIII в. — рационалистической естественно-правовой традицией, которой пропитана даже революционная пропаганда Бабефа и бабувистов. Интересно, что сен-симонисты не только исключают из своей аргументации естественно-правовые доводы, — они в полной мере сознают свой разрыв с теорией естественного права как незыблемой системы, соответствующей разуму и природе. Человек прогрессирует, утверждают они, прогрессирует, следовательно, и естественное право, т. е. право, которое для данного исторического момента соответствует природе¹⁰⁷. Некогда природа позволила человеку иметь рабов, позже она ему это запретила, заменив рабов крепостными, затем и эти цепи были разбиты, но природа позволяла все же одним жить в праздности за счет труда других. Сейчас уже праздность и эксплуатация противоречат природе.

Возглашается новое естественное право, которое соответствует новым условиям и которое не могло возникнуть ранее¹⁰⁸.

Итак, в обществе, как и в природе, царит закономерность. Но учение сен-симонистов чуждо фатализма. Человек для них есть активный элемент в закономерном историческом развитии, а отнюдь не пассивное существо, влекомое внешним роком¹⁰⁹. Интересы и симпатии личности закономерны, но от этого она не теряет своей действительности. Даже тогда, когда личность на основании изучения прошлого предугадывает будущее, она не утрачивает своей в нем заинтересованности. Сознание неизбежности торжества ее стремлений способно только усилить напор, а никак не ослабить. Оно освобождает личность в полном смысле этого слова от бессознательного подчинения власти неведомого ей закона. Как активный элемент отдельная человеческая личность может играть весьма крупную роль в развитии событий. Сен-симонисты высоко оценивают историческую роль гения.

Сен-симонисты считают, что общество представляет некое органическое единство. Явления общественной жизни, конечно, могут и должны быть известным образом классифицированы. Переноса из математики в философию истории понятие ряда, сен-симонисты говорят о ряде промышленных фактов, ряде развития науки, ряде развития симпатий. Но эти ряды не оторваны друг от друга. Наоборот,

¹⁰⁶ Doctrine de Saint-Simon, p. 92.

¹⁰⁷ Ibid., pp. 245—246.

¹⁰⁸ Ibid., p. 94.

¹⁰⁹ Ibid., p. 177.

они теснейшим образом связаны, как органы единого коллективного существа, именуемого обществом. Процесс исторического развития есть единый процесс. Философия истории сен-симонистов монистична.

Что же лежит в основе этого процесса? «Наиболее общий факт в поступательном движении обществ,— говорят сен-симонисты,— факт, содержащий в себе все другие,— это прогресс нравственной концепции»¹¹⁰. Духовное развитие, смена систем мировоззрения — философских систем, как говорит Сен-Симон, религиозных систем, как предпочитают говорить ученики,— вот движущая сила человеческой истории. Философия в учении сен-симонистов имеет двойственный характер. С одной стороны, она дает наивысшие научные обобщения фактов; с другой стороны, она раскрывает будущее человечества и обращается к нему с моральным призывом. Именно поэтому они и отдают предпочтение термину «религия». Следует отметить, что, в противоположность Сен-Симону, для которого духовный прогресс — прежде всего прогресс разума, для сен-симонистов первенствующую роль играет прогресс морали, чувства. В последних своих работах, особенно в «Новом христианстве», Сен-Симон, несомненно, эволюционировал в направлении той морально-религиозной концепции, которой придали законченную форму его последователи; но все же в нем дает себя чувствовать ученик рационалистов XVIII в.

¹¹⁰ Doctrine de Saint-Simon, p. 161.

Сен-симонисты ближе к Руссо, и религиозность сен-симонистов имеет более углубленный, более искренний характер. Интересно, что при переиздании сочинений Сен-Симона ученики его старательно вычеркивали имеющиеся в его произведениях выпады против идеи личного бога.

Идеалистическое толкование исторического процесса проводится сен-симонистами весьма последовательно. В этом, несомненно, сказались не только влияние Сен-Симона, но и влияние немецкой идеалистической философии, которой очень увлекалась французская учащаяся молодежь 20-х годов, особенно революционно настроенная. Этапы исторического развития отмечены в их теории философско-религиозными системами. Фетишизм, политеизм и монотеизм — не только мировоззрения, они определяют не только отношение людей к миру и к богу, но и отношения их между собою, не только «религиозное бытие», но и «бытие социальное»¹¹¹. Переход от одной системы к другой связывается с именами гениев — творцов систем, появление и деятельность которых отнюдь не случайны. Эти гениальные творцы — Сократ, Христос, Сен-Симон — лишь первыми угадывают и формулируют то, что подготовлено общественным развитием. Творчеству того или иного лица придает значительность то, что данное лицо отражает общие нужды масс. Гений открывает человечеству новые пути, но только тог-

¹¹¹ Doctrine de Saint-Simon, pp. 497—498.

да, когда для этого созданы соответственные условия в определенной закономерной последовательности. Так согласуют сен-симонисты в своей исторической теории идеализм с детерминизмом. Идеализм не мешает также сен-симонистам обращать очень большое внимание на «ряд» промышленности. Промышленные факты интересуют их как факты, «наиболее осязательные» и влияющие на материальные интересы. Но промышленный ряд отстает с их рядом вторичным по отношению к основному — к развитию нравственной, религиозной концепции.

Надо отметить в философии истории сен-симонистов еще одну черту, связанную с их идеализмом: детерминизм сочетается у них со своеобразной телеологией. Для них исторический процесс не только закономерен, но закономерно ведет человечество к определенной цели. В законе, который устанавливает положительная наука истории, в ее предвидениях сен-симонисты видят не только установление определенной и необходимой последовательности явлений, они стремятся «прочесть в них ясно начертанные волю, желание, цель, — цель искомую, но никогда не достигаемую; к ней человечество непрерывно приближается»¹¹². Очевидно, закон исторического развития есть закон этой высшей воли, а неизбежное, обусловленное прошлым будущее — в то же время ее цель. Телеологический уклон мысли здесь бесспорен; но этот уклон, характерный для всех теорий прогресса XVIII и на-

чала XIX века, — в менее определенной форме не чуждый самому Сен-Симону в последние годы его деятельности — не должен помешать нам констатировать в сен-симонизме как ценное достижение философско-исторической мысли его детерминизм, зерно, легко выделяемое из телеологической шелухи.

Каковы же, по мнению сен-симонистов, законы исторического развития? Во всяком обществе они констатируют две основные формы человеческих взаимоотношений: антагонизм и ассоциацию. Исторический закон в своем наиболее общем виде должен определить движение этих форм в историческом процессе. Этот закон таков — исторический процесс есть процесс убывания антагонизма и роста ассоциации. Первоначальная задача возникающих обществ — война; их конечная цель — слияние в мировую всеобщую ассоциацию. На своем пути общество проходит ряд промежуточных этапов, на которых ассоциация приобретает все более и более широкое значение: от первичной, элементарной ассоциации — семья — через касту, город и нацию — к человечеству, ко всемирной ассоциации трудящихся. Прогресс — рост и расширение ассоциации.

Одно из проявлений антагонизма — война. Но антагонизм имеет место не только в отношениях между обществами, но и во внутрисоциальных отношениях. Этот внутренний антагонизм есть по существу классовый антагонизм, ибо основу его составляет эксплуатация человека человеком. С этой точки зрения прогресс есть процесс постепенного ослабления

¹¹² Doctrine de Saint-Simon, p. 192.

эксплуатации. Начало эксплуатации — в войне, первая ее форма — рабство, установление которого связано с переходом в области религиозной от фетишизма к политеизму. Далее формы эксплуатации смягчаются. Смена политеизма христианством сопровождается заменой рабства крепостничеством. Сейчас не уже и крепостного права, но эксплуатации все еще существует: эксплуатируемый, который назывался рабом, затем крепостным, теперь называется рабочим.

«Рабочий материально, умственно и морально эксплуатируется так же, как некогда раб. Действительно, ясно, что он едва зарабатывает себе на существование и что работать или не работать — от него не зависит». Рабочий не составляет прямой собственности своего хозяина, какую был раб; его положение, всегда временное, определяется обоюдным соглашением; но разве соглашение это действительно свободный акт со стороны рабочего? Нет, ибо рабочий, вынужденный рассчитывать на свой вчерашний заработок, чтобы просуществовать сегодня, должен под страхом голодной смерти согласиться на предлагаемую ему сделку.

Эксплуатация рабочих не поконится более грубой силой. Но этой силы и не нужно, поскольку существует привилегия наследственного богатства. Пролетарии, не получившие наследство собственности, вынуждены сами предлагать себя собственникам в качестве объекта эксплуатации. «Вся масса трудящихся эксплуатируется людьми, собственность ко-

¹¹³ Doctrine de Saint-Simon, p. 228.

рых она утилизирует... при таком положении решей рабочий является прямым потомком раба и крепостного»¹¹⁴.

Если основные принципы философии истории сен-симонизма — детерминизм и идеалистический монизм — унаследованы учениками Сен-Симона от их учителя, то учение об истории как о процессе роста ассоциации и убывания антагонизма принадлежит почти целиком самим ученикам — вероятно, главным образом Базару, крупнейшему теоретику школы в этот период. У Сен-Симона были лишь отдельные части этой концепции, притом в виде весьма неопределенных намеков. Эта сторона исторической теории сен-симонистов имела, несомненно, большое влияние на дальнейшее развитие социалистической мысли. Философия истории сен-симонистов — первая заслуживающая серьезного внимания попытка исторического обоснования неизбежности социализма.

Переходя к вопросу о классовом составе современного им общества, сен-симонисты и здесь делают значительный шаг вперед. Для Сен-Симона рабочие составляли лишь группу в обширном классе «индустриалов», в классе, который входят и владельцы промышленных предприятий, и землевладельцы, сами обрабатывающие свои земли. Основная общественная грань проходит у него между бездельниками и трудящимися в широком смысле этого слова. Эта нечеткость в понимании классовой структуры общества отражает незавершенность процесса формирования пролетариата во

¹¹⁴ Doctrine de Saint-Simon, p. 229.

Франции его времени. У сен-симонистов эта старая грань тоже остается; но наряду с нею гораздо большее значение получает новая проходящая между собственниками орудий труда и пролетариями. Все «трудящиеся» эксплуатируются бездельниками, но предприниматели, в свою очередь, пользуются привилегиями эксплуатации, которая, таким образом, всей своей тяжестью падает на рабочий класс. Однако в своей общей формуле исторического процесса как смены форм эксплуатации сен-симонисты останавливаются на гомогенном общественном делении, которое было им завещано учителем. «Человек эксплуатировал других пор человека. Господа, рабы; патриции плебеи; сеньеры, крепостные; земельные собственники, арендаторы; празднолюбцы, труженики — такова прогрессивная история человечества до наших дней»¹¹⁵.

Историческое развитие есть для сен-симонистов развитие прогрессивное. Человечество совершенствуется и в моральном и в материальном отношении, идет вперед. Сен-симонисты знают факты регресса отдельных обществ. Но эти факты не нарушают закон общечеловеческого прогресса. Все общества принимают участие в общем развитии как действительные члены; но одни идут впереди в качестве руководителей на пути прогресса (сен-симонисты подходят, как мы видим, очень близко к гегелевской идее «избранных» народов); вторые следуют за ними; третьи сбиваются с этого пути и отпадают, создавая

общем развитии перебои. Но эти перебои Contemporaines, закон прогресса побеждает случайные отклонения; место, очищенное им народом, занимается другим. Гораздо большее значение имеет в философии истории сен-симонистов неравномерность, свойственная прогрессу по существу. В развитии человеческих обществ происходит правильное закономерное чередование двоякого рода эпох: эпох органических и эпох критических. В органические эпохи все подчиняется разделенной системе, политической и религиозной, все объединены общими идеями, индивидуальная деятельность подчинена общему благу. Силы антагонизма не исчезают вполне, но они перевешиваются силами ассоциации. Пока это так, система развивается и человечество прогрессирует, оставаясь в ее пределах. Существующий общественный порядок не подвергается спору, он соответствует уровню, достигнутому человечеством в его развитии, и представляется абсолютным. Но в соответствии мало-помалу нарушается. Общество начинает чувствовать недомогание, возникают сомнения и недовольство: органическую эпоху сменяет критическая. В критические эпохи все разлагается, все оспаривается, все разрушается. Нет общей веры, нет общей цели. Во всех областях жизни и деятельности царят анархия, индивидуализм, скептицизм. Старая философская система отжила, новая еще не выработана. Все недовольны существующим порядком, но нет еще идеи нового, идущего ему на смену. Силы ассоциации

¹¹⁵ Doctrine de Saint-Simon, p. 94

слабнет, силы антагонизма растут. Но это усиление антагонизма для таких эпох полезно и необходимо. Антагонизм, проявляющийся в классовой борьбе, является здесь орудием разрушения устарелого общественного порядка, он расчищает путь для нового творчества, для новой и более широкой ассоциации¹¹⁶. В конце концов силы антагонизма перерастают силы ассоциации и разрывают устарелую форму общества. Таким образом, общественное здание строится (органическая эпоха), затем разрушается (критическая эпоха), но лишь для того, чтобы быть построенным вновь с новым совершенством. «За моментами неурядицы эгоизма, безбожия следуют иерархия, самопожертвование, вера,— одним словом, новый порядок». Исторический процесс идет диалектически. Общественная система растет и развивается, пока в ее пределах не назревают внутренние противоречия, в конце концов ее разрушающие. За разрушением идет вновь социализация, восстанавливаются иерархия, вера, но с новым содержанием, соответствующим новой ступени развития человечества.

Последней органической эпохой, пережитой человечеством, было средневековье, религиозной основой которого служило христианство. Следуя за Сен-Симоном, сен-симонисты идеализируют христианскую религию и средневековый общественный строй. Именно христианство смягчило, по их мнению, рабство, христианство же создало рядом с военной организацией мирную организацию духовной вла-

— церковь, служащую прообразом будущей. Углубляя мысль Сен-Симона, авторы «Изложения» дают анализ социальных форм средневековья — феодализма и системы промышленных корпораций. Феодальная организация, пришедшая на смену анархии и индивидуализму предшествовавшей критической эпохи, была возможным для того времени применением принципа ассоциации. Потому она так и установилась, почти не вызвав сопротивления, потому свободные собственники с такой охотой отказывались от своих прав, превращаясь в вассалов. Той же потребности в единении и в ассоциации в области промышленного труда служили корпорации. Идеализация средних веков сближает сен-симонистов несомненно с теоретиками реакции начала XIX в. Но в противоположность реакционерам, они не мечтают о восстановлении средневековых порядков. Социальные порядки и церковь средних веков представляются для них лишь несовершенным прообразом грядущей общественной организации.

Переходя к рассмотрению того исторического периода, современниками которого они являются, сен-симонисты утверждают, что это — второй период критической эпохи, начавшейся в XV в. Все устои старого порядка разрушены уже вконец — сначала литературной критикой, затем революцией, которую жаждет сен-симонисты характеризуют иногда как пору сплошного разрушения, чуждого всякой положительной идеи, как высшее проявление индивидуализма. Везде царит крайняя

¹¹⁶ Doctrine de Saint-Simon, pp. 210—211.

анархия: в науке, в искусстве, в политике, в индустрии. В критике анархии существующего общества критика отношений хозяйственных не занимает у сен-симонистов первенствующего положения. И здесь многое взято непосредственно у Сен-Симона. Но ученики обнаруживают более глубокое понимание капиталистического строя и дают ряд новых интересных соображений. Таковы их замечания о конкуренции, о кризисах, как о неизбежном результате анархии, индивидуализма в производстве. Возможно, что эти соображения были внушены сен-симонистам их знакомством с теорией Фурье, уделявшего в своих книгах большое внимание этим вопросам.

Резко критикуя существующий строй с моральной точки зрения, сен-симонисты находят ему, однако, историческое оправдание: он исторически необходим в целях ликвидации старых, потерявших свое положительное значение общественных иерархий. Но его значение — временное, и уже чувствуется приближение нового органического периода. Настала пора с этим невыносимым положением покончить, настала пора созидания. «Ввиду этого страшного кризиса, — заявляют сен-симонисты, — мы призываем человечество к новой жизни, мы спрашиваем у этих разобщенных, обособленных, борющихся между собой людей не наступило ли время открыть новые узы любви, учения и деятельности, которые должны объединить их, заставить их шествовать мирно, в порядке, любовно к общей судьбе»¹¹⁷

Идущая на смену критической новая органическая эпоха обусловлена, следовательно, всем предшествующим развитием; ее наступление неизбежно, так как старый порядок разрушен до основания, человечество устало жить в анархии критического периода, элементы новой системы уже имеются налицо. Но будучи последовательными детерминистами, обосновывая необходимость нового социального порядка не доводами разума, а анализом исторического процесса, сен-симонисты в своих представлениях о способе осуществления социального идеала остаются утопистами. Они признают положительную роль классовой борьбы в период разрушения. Но фактором созидательным, творческим они ее не считают. Реальной силы, способной к творчеству нового, они поэтому не могут прощупать. Новые узы спасительны для всех, они должны объединить всех, новый порядок — это новая религия, новое откровение. Общий энтузиазм к делу социального преобразования, единомысленный мирный порыв людей, пробужденных к сознанию своего предназначения, — таков шаг предстоящего общественного переустройства.

Сен-симонисты знают, что в прошлом не только разрушение старого, но и созидание нового порядка шло всегда насильственным путем. Но причина этого, по их мнению, в том, что человечество было тогда недостаточно соз-

нательно, что оно совершало перевороты, но, лагаясь на инстинкт и не проверяя его рассуждением. Проникнутое энтузиазмом к новому, человечество бросалось в переворот, и достаточно его подготовив и недостаточно ясно представляя себе его ход. Отсюда неизбежные конфликты и насилия. Теперь — другое. Закон развития человечества открыт. Переход к новой форме общества будет постепенным и мирным, ибо он будет «задуман и подготовлен только с совместным действительным воображением и доказательством, энтузиазмом и рассуждением»¹¹⁸. Новое христианство, возмещаемое Сен-Симоном, подобно старому христианству, войдет в жизнь мирным путем.

Убеждение сен-симонистов в возможности совершить общественное преобразование, опираясь на религиозный энтузиазм и на силу разумных доказательств, приводит их к полному отрицанию политической борьбы. В этом отношении они идут гораздо дальше Сен-Симона. Сен-Симон тоже не верит в революционные пути преобразования. Мы знаем, что Сен-Симон вовсе не отказывается от политической деятельности. Наоборот, он рекомендует организацию партии промышленников, а до ее образования советует даже поддерживать существовавшие (в эпоху Реставрации) партии правого и левого центра. Сен-симонисты относятся ко всем партиям одинаково отрицательно; политические партии не способны

ничего, поскольку у них нет никакой доктрины, никакой религии. Лишь июльская революция 1830 г., как мы увидим ниже, вызвала в рядах сен-симонистов некоторые колебания по этому вопросу. Но временный интерес к политической борьбе у сен-симонистов очень скоро прошел, и республиканское движение последующих месяцев они не только не поддерживали, но и резко осуждали.

Основные черты будущей положительной науки, по взгляду сен-симонистов, открыты на основании изучения прошлого и настоящего Сен-Симоном. Сен-Симон такой же творец новой системы — философской и в то же время социальной, — какими были Сократ или Христос. Это открытие могло быть сделано только тогда, когда исполнились для него сроки, но оно не умаляет в глазах учеников гениальности учителя. В действительности приходится признаться, что для создания этого «откровения» — как и для создания большинства откровений — больше сделали ученики, чем сам учитель.

Основа существующего строя — собственность. Сен-симонисты готовы признать, что собственность есть база политического порядка вообще. Но собственность не есть нечто вечное и неизменное. Это — социальный факт, подвергавшийся и подвергающийся изменениям в процессе исторического развития, подлинный, как и все социальные факты, закон прогресса. Она может в различные эпохи различным образом определяться и регулироваться. Так, вначале право собственности рас-

¹¹⁸ Doctrine de Saint-Simon, pp. 280—281.

пространялось в одинаковой мере на вещи и на людей. Осуществление этого права не было стеснено ничем. Затем право собственности по отношению к людям потерпело существенные ограничения. Наконец, законодательство признало, что человек вовсе не может быть собственностью своего ближнего. Точно так же законодательство всегда регулировало в соответствии с идеями эпохи способы передачи собственности.

Соответствуют ли в данный исторический момент порядок передачи собственности потребностям общества? «Собственность... складывается из богатств, которые не предназначены для непосредственного потребления... Она обнимает земельные владения и капиталы, т. е., выражаясь языком экономистов, фонды производства»¹¹⁹. Таким образом, говоря о собственности, сен-симонисты имеют в виду собственность на орудия и средства производства, а не собственность на предметы потребления. Это необходимо все время иметь в виду при изложении их рассуждений о собственности. Собственники — это хранители орудий труда, их функция заключается в распределении этих орудий между трудящимися. «Кто же должен быть в таком случае собственником, — спрашивают сен-симонисты, — праздный ли, невежественный и безнравственный сын умершего, или человек, способный достойным образом выполнять свою общественную функцию»¹²⁰.

Стоит поставить так вопрос — и ответ будет ясен. Право наследования — наиболее вредная, наименее соответствующая потребностям общества черта современного порядка. Передача собственности по наследству — «самая безнравственная из всех привилегий — привилегия жить в обществе, не работая, или быть вознаграждаемым в нем свыше своих трудов». Источник права наследования — в старой военной системе общественной организации. Принцип современного права собственности — традиция, восходящая к завоеванию, как бы отдаленно это завоевание ни было. В новой системе — мирной ассоциации — это право представляется возмутительным и нелепым. Как Христос провозгласил: «Долой рабство!», так Сен-Симон провозглашает: «Долой наследование!»

На смену старому праву наследования, праву более сильного и привилегии рождения, идет новое право, право труда, право способности. Сен-Симон пришел сказать человеку: «Твоя праздность противоречит природе, она нечестива, вредна для всех и для тебя самого, ты будешь трудиться»¹²¹. Основанное на этом праве труда новое общество есть ассоциация трудящихся, ассоциация, цель которой — совместный труд. «Всемирная ассоциация — вот наше будущее. Каждому по его способностям, каждой способности по ее делам — вот новое право, которое заменит собою право завоевания и право рождения, человек не будет более

¹¹⁹ Doctrine de Saint-Simon, p. 256.

¹²⁰ Ibid., p. 95.

¹²¹ Ibid., p. 94.

эксплуатировать человека, но человек вступивший в товарищество с человеком, будет эксплуатировать мир, отданный во власть ему». Может ли человечество, истомившееся в пустыне современной анархии, не внять голосу этого светлого откровения? Люди умели подчиняться приказам, идти вперед с энтузиазмом во имя целей войны, кровопролития, грабежа, смерти. Тем более они должны пойти за призывом к жизни.

Таковы принципиальные основы будущего общества. Уже эти основные положения уводят сен-симонистов за пределы построения самого Сен-Симона. У Сен-Симона есть понятие ассоциации. Но в его ассоциации сохраняется частная собственность на средства производства, сохраняется класс, владеющий средствами производства. Защита интересов пролетариата уживается еще у него с буржуазными тенденциями¹²². Ученики вкладывают в понятие ассоциации совершенно новое содержание. У Сен-Симона идея труда как основы будущего общества есть представление об относительности права собственности, есть противопоставление права способности праву рождения. Но та своеобразная и продуманная комбинация, в которой находятся эти элементы в «Изложении учения», составляет бесспорную заслугу учеников. Мысль Сен-Симона в вопросе о собственности остается в рамках буржуазного строя, мысль учеников разбивает эти рамки, устанавливая связь эксплуатации

собственностью на средства производства и риходя к выводу об отмене права наследования.

Мы находим в «Изложении учения Сен-Симона» не только установление общих принципов. Сен-симонисты пытаются, с одной стороны, конкретно представить своим слушателям и читателям строение возвещаемой ими системы, с другой стороны, найти в окружающей действительности элементы, зародыши будущего. В разрешении первой задачи они идут путем совершенно оригинальным, их построение ни в малой степени не напоминает ни построения их предшественников, коммунистов XVIII века, ни гениальных фантазий их современника Фурье; здесь они закладывают основы совершенно нового направления социалистической мысли — направления, которому некоторые из эпигонов социализма присваивали иногда наименование коллективизм. В постановке второй задачи, тесно связанной с их историческим подходом к вопросам социализма, они, естественно, вовсе не могли иметь предшественников среди социалистов-рационалистов.

Ассоциация не только кладет конец эксплуатации; она представляет выход из господствующей в области производства анархии. Сен-симонисты считают существующий строй совершенно нелепым с точки зрения экономической целесообразности. Главным пороком строя, в основе которого лежит частная собственность, является его неорганизованность. Мы уже знаем, что распределение средств

¹²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 18—19.

производства, покоящееся на праве наследования, случайно и произвольно. Но и тогда, когда собственник — человек действительно способный, он стремится не к общественному благу, а к своему частному обогащению: он пользуется своими правами исключительно в целях эксплуатации неимущих. Между тем назначение предпринимателя, с общественной точки зрения, состоит в том, чтобы организовать удовлетворение общественных потребностей известным родом продуктов, чтобы правильно распределить с этой целью орудия труда¹²³. В интересах человечества эта функция должна быть урегулирована. Анархическая система частного производства должна быть заменена централизованной системой производства общественного. Будущий хозяйственный строй должен создать организацию промышленности, какую до сих пор человечество знало только в области промышленности военной.

Ни в одной из социалистических систем начала XIX в. эта идея централистической организации общественного производства не выражена с такой отчетливостью, как у сенсимонистов. Их экономический идеал в этом отношении диаметрально противоположен мечтам Фурье и Оуэна, призывающих человечество вернуться к небольшим самодовлеющим хозяйственным группам. Сенсимонисты стремятся не к сужению размаха хозяйственной жизни, а к его расширению, они целиком принимают то, что сделано в этом направле-

¹²³ Doctrine de Saint-Simon, p. 258 et suiv.

капитализмом, и хотя лишь внести в хаос, представляется хозяйство капиталистической эпохи, целесообразностью и планомерность. Если в хозяйственной жизни столько порядка, то происходит это не от того, что общественные связи слишком широки и сложны, а от «того, что распределение орудий труда производится обособленными индивидами, не знающими ни нужд промышленности, людей и средств, пригодных для их удовлетворения»¹²⁴. Чтобы прекратить беспорядок, чтобы отнять почву у кризисов, необходимо бороться с этим индивидуализмом, отнюдь разрушая его приобретений.

Распределение орудий труда в плановом хозяйстве, которое должно сменить существующее анархическое хозяйство, должно отвечать тем условиям: во-первых, орудия труда должны быть распределяемы пропорционально потребностям каждой местности и каждой отрасли промышленности; во-вторых, при их распределении надлежит сообразоваться с индивидуальными способностями; в-третьих, наконец, производство нужно организовать таким образом, чтобы никогда не приходилось бояться ни в одной из его отраслей нехватки или невыполнения. Для того чтобы эти условия осуществились, необходимо установить новый порядок передачи собственности: «право наследования, ныне ограниченное пределами семьи, должно перейти к государству, превращенному в ассоциацию трудящихся»¹²⁵.

¹²⁴ Doctrine de Saint-Simon, pp. 258—259.

¹²⁵ Ibid., p. 120.

Орудия производства сосредоточиваются, таким образом, постепенно в руках государства. Но государство не выступает непосредственно в роли организатора промышленного предприятия. Будучи верховным собственником орудий производства, оно и берет на себя лишь функции собственника. Оно распределяет орудия производства как бы на правах аренды, вручая то или иное предприятие тому или иному лицу, проявившему в данной отрасли производства наибольшие способности. Пользуясь терминами предшествующей органической эпохи, дающей прообраз будущей, сен-симонисты говорят о ленной грамоте, выдаваемой производителю, и о его промышленной инвеституре. «Право на богатство, т. е. на распоряжение орудиями труда, дает исключительно умение приложить его к делу». Так реализуется одно из основных положений сен-симонизма: каждому по его способностям. Каждый получает в общественной иерархии место, соответствующее его индивидуальной ценности.

Конечно, для этой деятельности государства совершенно не подходит старый бюрократический аппарат. Но жизнь, подготовившая наступление нового социального порядка, вырабатывает уже для него и соответствующий механизм. В недрах современного общества, пропитанного анархией, создается ей противодействие путем выделения особого промысла, задача которого состоит в упорядочении экономической жизни. Этот промысел — банкирский промысел, являющийся наиболее выдающимся

фактором современной промышленности. Банки — вот зерно будущего в настоящем.

Страницы, посвященные роли банков в настоящем и в будущем, принадлежат к интереснейшим страницам «Изложения». В своей оценке банков сен-симонисты идут по стопам Сен-Симона, у которого мы находим уже замечания об организующей промышленности функции банков. Сен-Симон и особенно его ученики оказались в этом вопросе для 20-х годов XIX в. очень тонкими наблюдателями. Замечания сен-симонистов о сен-симонистов замечания Сен-Симона о банках получили новое развитие. Банки в их системе получают значение станового хребта будущей хозяйственной организации. Не следует думать, что они идеализируют банки капиталистического общества, что банки представляются им совершенно законченной системой организации и регулирования хозяйства. Если бы это было так, то это значило бы, что на смену критической эпохе уже пришла эпоха органическая. Порожденная анархическим обществом, система банков носит на себе явственный его отпечаток. Упорядочение, которое банки могут вносить в настоящее время в хозяйственную деятельность, весьма относительно. В их работе есть сторона положительная, которая должна быть использована при построении будущей общественной организации, и сторона отрицательная, отражающая все зло современности и подлежащая уничтожению.

Направляя капиталы в тот или иной район, ту или иную отрасль промышленности, в то

или иное предприятие, банки выполняют функцию распределителей средств производства, тем смягчая промышленную анархию. Но эту функцию они выполняют плохо. Так как современные банки преследуют в первую очередь частные, а не общественные цели, то они, естественно, стремятся извлечь из своей деятельности возможно больший доход, возможно большую «десятину»¹²⁶. Желая обеспечить себе этот доход, они должны руководствоваться в распределении капитала материальными гарантиями, какие может представить кредитующее лицо, а отнюдь не его способностями. Таким образом, и здесь бездельник, получивший состояние по наследству, имеет больше шансов, чем талантливый, но бедный труженик. Наконец, современные банки, хотя их кругозор и несравненно шире кругозора отдельного промышленника, все же не в состоянии охватить все промышленные операции страны в целом. Для того чтобы все эти дефекты в системе банков устранить необходима прежде всего возмещаемая сен-симонистами перемена в организации собственности, необходимо превращение общества в ассоциацию трудящихся¹²⁷.

В этой ассоциации правительством в области материальной будет центральный банк. Он будет хранителем и распределителем всей массы орудий производства. В нем будут концентрироваться все потребности, из него будут

дти все усилия¹²⁸. Сведения о потребностях районов и индустрий будут поступать центральный банк от специальных банков, обслуживающих отдельные отрасли промышленности. Через эти же специальные банки будут распределяться средства производства между работниками. Каждый индивидуум известным образом расценен банком и соизно со своими способностями поставлен в мысленной иерархии. Один будет простым рабочим, другой — заведующим мастерской, третий — директором предприятия. Но директор — отнюдь не владелец своей мастерской и орудий труда; он только общественное должное лицо, организующее для общества производство при помощи других лиц, ему повинных.

Получая место в обществе соответственно своим способностям, каждый гражданин будет получать от общества вознаграждение соответственно своим заслугам. Равенство вознаграждения при неравной производительности (а сен-симонисты считают несправедливым равенство вознаграждения стимулирует только при нем получают полный продукт для своего развития индивидуальные способности. В силу тех же соображений сен-симонисты сохраняют в будущем обществе индивидуальную собственность на предметы потребления. Но при всем неравенстве индивидов по их вознаграждению и по их жизнному уровню все равны в одном: нет

¹²⁶ Doctrine de Saint-Simon, pp. 269—270.

¹²⁷ Ibid., p. 272.

Ibid., p. 273.

людей, живущих на ренту или на прибыль, все живут на вознаграждение за труд, получаемое как жалование или как пенсия. В бюджете ассоциации (или ее центрального банка) актив составляет совокупность годовой продукции всех видов промышленности, пассив — распределение этих продуктов между трудящимися.¹²⁹

В «Изложении учения» сен-симонисты не ставят вопроса о мероприятиях переходного характера. В журнальных статьях при обсуждении проблем текущей экономической политики они, однако, не могли не давать оценки тем или иным проектам и предложениям с точки зрения их пользы или вреда для дела преобразования общества в ассоциацию трудящихся. В связи с этим они не раз выдвигали и собственные предложения экономических реформ. Эти предложения разнообразны и содержат в себе зародыши ряда утопических планов общественного преобразования, нашедших в дальнейшем более полное развитие в системах поздних утопистов мелкобуржуазного толка. Так, сен-симонисты защищали идею участия рабочих в прибылях тех предприятий, в которых они работают. Они представляли себе, что участие в прибылях, пропорциональное труду рабочих, постепенно распространяясь и укрепляясь, может привести к отмиранию систем заработной платы и к утверждению в предприятиях принципа ассоциации. Так, они проповедовали организацию кредита для рабо-

в целях обеспечения их орудиями труда, вводя уже известную нам по статьям в «Producteur» идею преобразующей роли кредитных ассоциаций. Они предлагали замену наследования по боковой линии и увеличение налога на наследство, понижение процента и арендной платы и т. п. А с другой стороны, они горячо защищали проекты создания широкой ассоциации капиталистов-предпринимателей в целях планомерной индустриализации страны, перенося, таким образом, ее совместной эксплуатации человечеством много шара из общества будущего в общест-капиталистическое.

Практические предложения сен-симонистов представляют некоторый исторический интерес. Они в известном смысле характерны для опической школы, принципиально стоящей «внеклассовой» позиции, а практически относящейся к мелкобуржуазному, а подчас просто к буржуазному прожектерству. Но значение сен-симонизма для развития социалистических идей определяется не этими проектами, а его философией истории и его учением о всемирной ассоциации трудящихся. Иерархия способностей в ассоциации и идея вознаграждения «по заслугам», осуществляемого посредством системы банков, не имеет никаких аналогий в старом, дореволюционном коммунизме. Сен-симонисты это отличие своей системы от старого коммунизма прекрасно сознают и старательно его подчеркивают. Отмежевываясь от коммунистов, они резко критикуют коммунизм как систему, будто бы

¹²⁹ Doctrine de Saint-Simon, p. 274.

подавляющую развитие личности, а следовательно, и развитие общества. Основной недостаток коммунизма они видят в том, что он, устраняя соревнование, дает ленивому то же, что и трудолюбивому, таким образом разрушая собственный принцип равенства. Сен-симонисты утверждают даже, что их система не имеет с коммунизмом ничего общего. Это уже несомненная неблагодарность, так как идея общественной организации труда, основная идея сен-симонизма, несомненно связана своим происхождением с влиянием старого коммунизма.

IV

Мы уже говорили о том, что ассоциация сен-симонистов совершенно не похожа на те ассоциации — мелкие самодовлеющие хозяйственные единицы, — какие мы находим в системах Фурье и Оуэна. Сен-симонисты не только не стремятся к хозяйственной дробности, им представляются с хозяйственной точки зрения недостаточно широкими даже рамки существующих государств. Их идеал — организация единого хозяйства на территории всего земного шара. Этот свой интернационализм они не только провозглашают, но и обосновывают, как им свойственно, исторически. Нацеливаясь для них — ассоциация минувшей органической эпохи. Внутренней моральной связью для нее служила любовь к отечеству. Критическая эпоха разорвала эту связь, любовь к отечеству угасла. Об этом не приходится жалеть, так как она, естественно, должна уступить свое

место более высокому чувству, соответствующему более высокой форме ассоциации — любви ко всемирной семье человеческой¹³⁰.

Эпоха всемирной ассоциации трудящихся не есть только одна из органических эпох, подобная предшествующим. При ней общество будет организовано непосредственно в целях прогресса. Всемирная ассоциация — полное торжество принципа ассоциации над антагонизмом; как форма общественной организации она максимально совершенна и потому не способна к дальнейшему совершенствованию. Если в ней не будет места антагонизму, то не будет оснований и для смены будущей органической эпохи новой критической эпохой. Будущая органическая эпоха будет окончательной¹³¹. Человечество идет к конечному состоянию — к такому порядку, при котором дальнейший прогресс сможет осуществляться без перерывов, без кризисов, постоянно, правильно и во всякий момент¹³². Таким образом, изложенные выше общие законы исторического развития относятся только к периодам до установления новой органической системы, к периодам антагонистическим. Затем история в старом смысле слова как бы прекращает свое течение или, вернее, наступает новая, принципиально отличная от старой полоса исторического процесса.

Общественная организация будущего есть организация, освящаемая религиозной докт-

¹³⁰ Doctrine de Saint-Simon, p. 155.

¹³¹ Ibid., p. 222.

¹³² Ibid., p. 200.

риной, что совершенно соответствует философско-исторической концепции сен-симонистов: ведь органические эпохи всегда религиозны, только критические разрушают религию. Религиозной проблеме посвящены последние лекции первого тома «Изложения учения» и почти весь второй том. Для нас было важно выделить в сен-симонизме то, что представляется наиболее интересным и ценным в этой системе с точки зрения истории социалистической мысли, что оказало наибольшее влияние на дальнейшее развитие социализма. Поэтому при всем своеобразии постановки религиозной и церковной проблемы в «Изложении учения» мы не считаем нужным останавливаться здесь подробно на этой стороне учения. Отметим только те ее черты, которые связаны теснейшим образом с областью социальных отношений.

Возвещаемая сен-симонистами религия не есть реформированное христианство. Христианству свойственно понятие бога как существа только духовного. Из этого вытекает, по мнению сен-симонистов, ряд положений, определивших все будущее христианства и его социальную роль. Если бог — чистый дух, то тело и заботы о нем греховны¹³³. Проповедуемое христианством братство также получает духовное значение, и его осуществление переносится на небеса. Материальная жизнь остается вне сферы непосредственного воз-

действия религии. Это закреплено в двух принципах христианства: «воздайте кесарево царю» и «царство мое — не от мира сего». Отсюда две власти в средние века: духовная, проповедующая братство, и светская, правящая посредством насилия. Для христианства, противопоставляющего дух плоти, такое разделение светской и духовной власти, царства царя и царства бога было естественно и неизбежно. Сен-симонисты ценят исторические услуги христианства. Они считают, что его гибки были неизбежной уступкой условиям времени; христианство могло завоевать мир, только отказавшись от полного осуществления принципа братства, перенеся его в потустороннее. Сейчас уже, полагают сен-симонисты, тот дуализм утратил свой смысл. В религии сен-симонистов плоть, физическая сторона жизни и человеческого существа, восстанавливается в своих правах, реабилитируется. Сен-симонисты — решительные враги аскетизма. Все части бытия — и человека и мира — гармоничны, все они одинаково призваны к развитию. Бог не есть чистый дух. Бог — все, что существует, все в нем, все через него, все — он. Поэтому и царство бога простирается и на дух, и на тело. Материальная деятельность человека также есть явление религиозного порядка. Развиваясь материально, человек совершает религиозное дело не в меньшей степени, чем развиваясь духовно. Христианство пренебрегало индустрией, религия будущего будет руководить всеми видами человеческой деятельности. Общество будущего — еди-

¹³³ Doctrine saint-simoniène. Exposition. Deuxième année, 1829—1830. Paris, 1854, p. 402.

ное общество; и в нем должна быть единая власть, закон кесаря исчезнет перед законом бога, во всем установится власть бога¹³⁴. Политическое устройство будущего равно религиозному устройству, светская иерархия сливается с иерархией церковной. Получается своеобразная теократия, в которой служители религии руководят всей жизнью общества в целом, воспитывая его в духе братства, объединяя деятельность промышленности, науки и искусства и направляя общество к единой цели.

Демократия рассматривается сен-симонистами исключительно как орудие разрушения старой системы, как политическая форма критической эпохи. В их положительных построениях она не играет роли. Они иронизируют над «импровизированными законодателями», «непрощенными законодателями» революционной эпохи, они иронизируют над всеобщим избирательным правом. Они отрицают старый ценз, основанный на собственности, но не во имя демократии, а во имя нового ценза, соответствующего новым условиям, во имя иерархии способностей. Руководящий центр иерархии возникает отнюдь не демократическим путем. Сен-симонисты решительно высказываются против народного избрания. Иерархия строится не снизу вверх, а сверху вниз. Глава общества, верховный первосвященник, как называют его сен-симонисты, сам выдвигается на этот руководящий пост. «Источник его власти — его высокая одаренность, выдвигаю-

дая его на первое место в иерархии способностей, его гений».

Задача человека, говорят сен-симонисты, — жить в любви, в разуме, в силе. Отсюда три порядка социальных функций: мораль, наука, индустрия. Социальная иерархия должна быть живым выражением связи и взаимной зависимости этих функций. Люди, в которых доминирует любовь, естественные вожди общества и хранители религии — священники. Те, у кого более развит разум, хранители знаний или теологии — ученые. Те, кто занят эксплуатацией земного шара — промышленники. Религия или мораль, теология или знание, культ или индустрия — таковы три больших аспекта социальной деятельности будущего: священники, ученые, промышленники — вот общество в целом¹³⁵. Верховный первосвященник — это не ученый, не промышленник, он — носитель высшей любви, натура художественная. Он — источник и санкция порядка, он — олицетворение закона. Закон в будущем обществе — не абстракция, а человек, который лучше всех знает цели общества и индивидуумов и больше всех любит их. От этого человека, верховного первосвященника, исходят все социальные блага, он назначает своих ближайших помощников, руководителей науки и индустрии. Словом, он — живой закон (la loi vivante)¹³⁶.

Основная задача будущей иерархии — вос-

¹³⁴ Doctrine saint-simoniène, II, p 399.

¹³⁵ Doctrine saint-simoniène, II, p 434.

¹³⁶ Ibid, p. 486.

питание человечества к новой жизни, к ассоциации. Это в первую очередь воспитание чувств, объединяющих людей. Роль чувства падает в эпохи критические. Но чувство всегда является необходимым признаком человека как общественного существа, а в эпохи органические его роль огромна. Только чувство, выражаемое в различных формах, может увлечь общество к той или иной цели. Эти формы выражения чувств называются искусством в эпохи критические и культом в эпохи органические. Таким образом, идея социального воспитания, как воспитания чувства, приводит сен-симонистов к восстановлению культа в старом смысле этого слова, культа — как надежнейшего воспитательного средства старых религий. Следуя завету Сен-Симона в «Новом христианстве», ученики не отказываются от внешних форм религии, аналогичных форм католичества, вплоть до исповеди.

По сравнению с функцией воспитания функции законодательства и управления отступают в ассоциации на второй план. Законодательство является как бы дополнением воспитания. В ассоциации законодательство не может быть орудием борьбы, ибо ассоциации чужды общественные антагонизмы. Оно будет служить лишь целям регламентации порядка в интересах ассоциации, распространяя свое действие как на экономическую, так и на нравственную стороны жизни. Но будучи лишь дополнением воспитания, законодательство поддерживает нравственный кодекс и обучает ему в особой форме. Его сфера вне

сферы воспитания и охватывает только исключительные факты, нарушающие норму. Следовательно, нормальное течение общественной жизни как будто совсем не регулируется законом. Нетрудно заметить, что сен-симонисты здесь несколько отступают от точки зрения Сен-Симона, предвидевшего в будущем полное исчезновение системы управления людьми. Однако и сен-симонистам не чужда мысль, что в результате воспитания человечество достигнет такого уровня развития, при котором законодательство станет совершенно ненужным¹³⁷.

Идея теократии связывает сен-симонизм, столь современный в области исторического и экономического анализа, со старыми традициями сектантского коммунизма средних веков и эпохи реформации и еще более с учением Кампанеллы об управлении умственной аристократии. Здесь проявляется неожиданная стойкость традиции, заслуживающая внимания историка. Она объясняется, несомненно, в конечном счете отсутствием в кругозоре сен-симонистов той внутренне организованной, спаянной внутренней дисциплиной общественной силы, какой является в теории научного коммунизма пролетариат. Без такой силы невозможна организация «всемирной ассоциации трудящихся». Этот пробел и призвана восполнить иерархия духовных руководителей, опирающихся в своей деятельности на рели-

¹³⁷ Doctrine de Saint-Simon, pp. 83—84, 98—100, 170—372

гиозную санкцию и на тщательную продуманную систему воспитания — иерархия, являющаяся по существу, как и у Кампанеллы, стилизованной в церковном духе интеллигенцией.

* * *

Не подлежит сомнению, что в сен-симонизме между временем появления в свет последнего произведения Сен-Симона (1825 г.) и временем лекций, вошедших затем в «Изложение учения» (1828—1829 гг.), происходит значительный сдвиг в сторону социализма, усиливаются и развиваются социалистические тенденции, имеющиеся в теории Сен-Симона¹³⁸.

Для того чтобы понять этот сдвиг, необходимо приглядеться к той среде, из которой сен-симонизм этой поры вербует свои основные кадры. Сен-Симон обращался со своей проповедью по преимуществу к промышленникам и к верхам буржуазной интеллигенции. В этих кругах проповедь успеха не имела: у буржуазии были в распоряжении теории, быть может, менее оригинальные, но зато более точно соответствовавшие ее настроениям и интересам данного исторического момента; верхи буржуазной интеллигенции способны были

¹³⁸ Известно, что в 30 и 40-х годах XIX в. термин «социализм» имел весьма неопределенное значение. В предисловии к 4-му немецкому изданию «Коммунистического манифеста» Энгельс указывает, что социалистами называли в 1847 г. два разряда людей: с одной стороны, приверженцев различных утопических систем, с другой — всякого рода «социальных знахарей» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI.

латонические сочувствовать своеобразным чертам теории Сен-Симона (идеи плановости хозяйства, права способности и т. п.), в реальной жизни они, однако, неизбежно тяготели к тем же вульгарно-буржуазным системам. Первоначальный состав сен-симонистской школы принадлежит не к этим преуспевающим представителям интеллигенции, а к интеллигентским низам, к революционным слоям интеллигенции, к студенчеству. Успех сен-симонизма среди студенчества главным образом политехнической школы отмечается всеми современниками. Виднейшие сен-симонисты — Базар, крупнейший теоретик первого периода, автор большей части лекций, вошедших в «Изложение учения», Бюше, Карно, Лоран, Руан — пришли к сен-симонизму из республиканских тайных обществ. Низы интеллигенции — группа, наиболее способная в известные исторические моменты под впечатлением растущих классовых противоречий заражаться настроениями рабочего класса. В этой среде обычно находит значительное число адептов начинающееся социалистическое движение. Понятно, что здесь в учении Сен-Симона пленяло как раз то, что было в нем своеобразно и что отталки-

ч. II, стр. 51—52). Я употребляю этот термин в современном, ленинском понимании. Необходимым признаком социализма в этом смысле является: отмена частной собственности на средства производства и передача их в собственность общества; уничтожение классов и эксплуатации человека человеком. Сен-Симону эти идеи были чужды даже в последний период его деятельности, когда он выступил в качестве защитника рабочего класса.

вало от него буржуазию — несколько неопределенные, несогласованные, недодуманные до конца, но в потенции социалистические чаяния Золотого века, в будущем — царства организованного труда. Понятно, что в новой среде именно эти стороны учения могли и должны были получить свое развитие. Система сдвинулась на иную социальную базу. Из разновидности буржуазной идеологии первых периодов деятельности Сен-Симона выросла новая форма утопического социализма. Социалистические тенденции уже в последних произведениях Сен-Симона сказываются гораздо более ярко, чем в его ранних работах¹³⁹. Но социалистической системой по своему основному характеру сен-симонизм стал лишь в работах Базара, Анфантена и их соратников.

Социальным происхождением сен-симонизма объясняются как его достоинства, так и его недостатки. Возникший в среде интеллигентских групп, связанных с промышленностью и банковским делом, сен-симонизм мог внести в социалистическую теорию много нового и свежего материала. Сен-симонисты сумели оценить технические и организационные достижения капитализма и их значение для

дальнейшего развития общества. Они попытались, хотя и в несовершенной форме, подвести под социализм исторический фундамент, обосновав его неизбежность анализом прошлого и настоящего человеческого общества. Но они оказались неспособны полностью порвать с сен-симоновской идеей «бесклассовой», а по существу буржуазной «индустриализации». Они не смогли понять исторического значения классовой борьбы пролетариата, оценить пролетариат как активную силу истории, а не только как страдающую, эксплуатируемую массу. Отсюда их исторический идеализм, отсюда их отрицательное отношение к революции, их враждебность к демократии, их авторитаризм, наконец, их теократическая утопия.

¹³⁹ «Не следует вообще забывать,— писал Маркс,— что лишь в последней своей работе «Nouveau Christianisme» Сен-Симон прямо выступил от лица рабочего класса и объявил его эмансипацию конечной целью своих стремлений. Все его более ранние произведения фактически представляют лишь прославление современного буржуазного общества в противоположность феодальному...» (К. Маркс. Капитал, т. III. Собр. соч., т. XIX, ч. II, стр. 154—155).

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ
СЕН-СИМОНИСТСКОЙ ШКОЛЫ

I

Своего высшего пункта как системы утопического социализма сен-симонизм достиг в «Изложении учения» накануне июльской революции 1830 г. Последующие годы существования школы не представляют для истории социализма такого интереса, как годы, предшествовавшие революции. Но организационная и пропагандистская деятельность сен-симонистов в 1830—1832 гг. содействовала распространению основных положений, выработанных школой ранее. С этой точки зрения она также заслуживает известного внимания.

Июльская революция явилась для сен-симонистов полной неожиданностью и вызвала в их рядах некоторые колебания. В их планах общественного преобразования политическая революция совершенно не была предусмотрена. 28 июля вожди сен-симонистской школы обратились к своим сторонникам с призывом соблюдать спокойствие, ссылаясь на поведение Сен-Симона во время Великой революции. Революцию они рассматривают в этом воззва-

нии лишь как доказательство правильности сен-симонистского анализа существующих общественных отношений, как симптом царящей в обществе анархии. Только сен-симонисты, утверждало воззвание, способны указать истинный путь к будущему, только они — обладатели высшей любви к народу.

Тем не менее некоторые сен-симонисты — Карно, Рейно, и др., увлеченные народным движением, приняли участие в июльских боях. 30 июля сен-симонисты выпустили прокламацию, знаменующую известный временный сдвиг в отношении школы к политической борьбе. Революция трактуется здесь как возможное средство социального переворота. Прокламация высоко оценивает революционную борьбу XVIII века и признает июльские дни завершением этой великой борьбы. Сен-симонисты не только восхваляют народ за разрушение старого феодального порядка, не только клеймят позором праздных, живущих чужим потом, они призывают закрепить победу, навсегда отменив все без исключения привилегии рождения и установив принцип возвышения людей по их способностям и вознаграждения по труду.

Стремясь использовать революцию в интересах своего общественного идеала, сен-симонисты сочли даже возможным принять участие в совещаниях представителей политических партий у Лафайета. Наивный утопизм этого шага особенно ярко сказался в совершенно фантастическом предположении о возможности использовать диктатуру Лафайета

для осуществления сен-симонистской программы социальных преобразований.

В письме Анфантена провинциальным сен-симонистам, опубликованном 1 августа, отмечается уже неудачный исход революции. Июльское восстание, по мнению автора, не заслуживает даже наименования революции. Ничто не изменилось в социальной организации. Некоторые имена, цвета, национальный герб, титулы — таковы завоевания «дней траура и славы». Но Анфантен, очевидно, допускает возможность использования политической революции для целей осуществления сен-симонистского идеала. Июльская революция, полагает он, могла бы иметь иной исход, если бы у народа нашлись достойные его вожди. Такими вождями, единственно способными обеспечить народу результаты его победы, могли бы быть только сен-симонисты. В действительности к власти пришла перепуганная буржуазия, которая постарается вновь наладить представительную машину, конституцию, являющуюся сделкой между классами и не принимающую в расчет народ.

Внезапный переход от принципиального аполитизма к крайнему политическому авантюризму не мог не вызвать в рядах сен-симонистов смущения. Смущение переросло в открытое недовольство, когда обнаружилась полная безрезультатность новой тактики. Многие сен-симонисты выступили против вождей с обвинениями в непоследовательности. Базару пришлось выступить с новой декларацией («Суждение о последних событиях»), в кото-

рой он пытается объяснить позицию сен-симонистов стремлением добиться, чтобы революция в своем дальнейшем развитии обеспечила сен-симонистам возможность свободно вести свою пропаганду.

В «Суждении» сен-симонистские мотивы переплетаются с традициями революционной борьбы. Французская революция провозглашается величайшим проявлением божественного провидения. Июльская революция — ее окончательное завершение. Но все же она, по мнению Базара, не является той социальной революцией, о которой мечтают сен-симонисты. «Суждение» прославляет народ, противопоставляя его «феодальной и праздной буржуазии». Но зовет он народ не к революции, а к новой власти «любви», осуществляемой выдающимися избранными людьми¹⁴⁰.

В одном из последующих произведений сен-симонистской пропаганды мы находим развернутую и как бы завершающую оценку июльских дней. Вся история Реставрации, писали здесь сен-симонисты, была лишь бесплодной сменой министерств, не приносившей никакой пользы для уврачевания социальных зол. Это вызвало новое вмешательство народа, вмешательство, которое никто не смог предугадать. Хартия погибла, Реставрация исчезла, но какие же это дало результаты? Просто во Франции стало одним французом меньше после изгнания Карла X. В июльские дни на сцену появился новый класс — пролетариат,

¹⁴⁰ См. И. Иванов. Сен-Симон и сен-симонизм. М 1901, стр. 681—689.

но буржуазия не поняла значения этого факта и снова замкнулась в законный порядок вместо того, чтобы подумать об удовлетворении нужд массы.

1830—1831 годы — годы очень интенсивной сен-симонистской пропаганды как устной, так и литературной. Важнейшими источниками для ознакомления с содержанием этой пропаганды являются так называемые «Проповеди» («Prédications») ¹⁴¹ и журнал «Le Globe» ¹⁴², с октября 1830 г. ставший органом сен-симонизма. В течение этого периода сен-симонисты в вопросах социальной политики остаются в основном верны тем принципам, которые были сформулированы в «Изложении учения».

«Сен-симонисты требуют, — говорят они в своем послании палате депутатов, — чтобы орудия труда, земли и капиталы, которые образуют сейчас раздробленные фонды частной собственности, были объединены в социальный фонд и чтобы этот фонд эксплуатировался ассоциацией, построенной иерархически, чтобы задача каждого соответствовала бы его способностям, а богатство было бы мерой его

¹⁴¹ «Проповеди» были начаты сен-симонистами вскоре после окончания цикла лекций, вошедших в «Изложение учения», 11 апреля 1830 г., и продолжались до 22 января 1832 г. Собрание проповедей было издано сен-симонистами в двух томах.

¹⁴² Журнал «Le Globe» можно считать органом сен-симонизма с 26 октября 1830 г., когда в нем появилась восторженная статья о Сен-Симоне. С 18 ноября 1831 г. журнал имел подзаголовок: «Journal de la doctrine de Saint-Simon»; с 1 января 1832 г. — «Journal de la religion saint-simonienne».

трудов». То, что буржуазия признала в свое время по отношению к званиям, должно быть признано теперь по отношению к богатству: богатство должно быть результатом заслуг самого человека, а не его предков (on doit être riche par soi même et non par ses aïeux).

Для экономистов, утверждают сен-симонисты, купля-продажа представляется необходимым естественным процессом, подчиненным закону спроса и предложения. Но в обществе, составляющем единую семью, этот закон должен быть отменен. В таком обществе при организации производства учитываются потребности отдельных его членов. В таком обществе нет места купле-продаже, а может быть только распределение. Несмотря на некоторое уточнение социалистических формулировок, сен-симонисты, однако, по-прежнему избегают говорить об отмене частной собственности.

Они предпочитают говорить об ее преобразовании. Но по существу это — преобразование частной собственности в собственность общественную. Верховным владельцем земли должно быть, по представлениям сен-симонистов, государство. Промышленные предприятия также не должны составлять частной собственности предпринимателей. Руководители предприятий — должностные лица общества. Они любят свое предприятие, как моряк любит свое судно, хотя оно и принадлежит государству. В характеристике существующих общественных отношений пропаганда сен-симонистов под влиянием роста капиталистического

производства и обострения свойственных капитализму общественных противоречий отводит в этот период значительно больше места антагонизму между буржуазией и пролетариатом, как противоречию основному для современного общества, постепенно отходя от старой сен-симоновской формулы, выдвигавшей на первый план антагонизм между бездельниками и трудящимися. В одной из проповедей Лоран вносит некоторые новые черты в сен-симонистское понимание социальной роли буржуазии после победы революции. Революция, говорит Лоран, закончила борьбу между дворянством и буржуазией, и буржуазия, овладев добычей, принялась ревностно оберегать порядок, обеспечивающий ей плоды победы, свободу жить в праздности среди изобилия земных благ, пользуясь чужим трудом.

Аристократия денег заменила аристократию титулов, и новая аристократия вооружилась принципом свободы, невмешательства в отношении между трудом и капиталом. «Спросите, — восклицает проповедник, — у бесчисленных париев, окружающих вас, что такое свобода, лишаящая их социальной поддержки, предоставляющая своим собственным силам людей, которых случайность рождения лишила всяких сил, свобода, принуждающая их под страхом смерти к работе, по большей части ненавистной им, не соответствующей их способностям, к работе, плоды которой достанутся господам». Эта свобода дает им право на все только затем, чтобы глубже почувствовать,

что они не имеют возможности переступить границ, положенных их наследственной нищетой. Они свободны все читать и писать, но они не умеют и не могут ни того ни другого. Во имя свободы конституция отказывается вмешиваться в упорядочение интересов рабочих, но та же свобода не мешает поклонникам конституции поручать национальной гвардии и линейным войскам внушать рабочим идею законного режима лишь только рабочие вздумают сообща позаботиться о своих интересах. В конечном счете общественный порядок конституционалистов основывается на силе. Демократы видят выход из положения в распространении права выборов до низших слоев народа, не понимая, что беднейший и многочисленнейший класс, отупевший, невежественный, голодный жаждет избавителя. Демократы кричат против наследственного пэрства, института, мало кого интересующего, и они охраняют наследственное право собственности, гнетущее громадное большинство. Они возмущаются тупеядством чиновников и не хотят подумать о несравненно более распространенном тупеядстве праздных бесполезных людей, накапливающих богатство посредством пота бедняков-рабочих¹⁴³.

Сен-симонисты понимают, что обществу угрожает революция. Они предупреждают о возможности появления нового Спартака. Но путь Спартака — не их путь. Они хотят, чтобы

¹⁴³ «Prédications». Paris, 1830—1832. I, 76—89; II, 882; I, 476—8 и др.

низшие классы отказались от ненависти к богатым, а высшим классам они проповедают любовь к бедным. Проповедуемое ими общественное преобразование должно быть осуществлено мирным путем, а не путем мятежа. По поводу лионского восстания рабочих 1831 г. они выражают надежду, что привилегированные пойдут навстречу интересам рабочих, поняв ту опасность, которой угрожает им ненависть рабочих.

В качестве меры перехода к полной отмене права наследования сен-симонисты предлагают отменить наследование по боковой линии и повысить налог на наследства. Они считают желательным также понижение процента и арендной платы. Но центральную роль в общественном преобразовании они по-прежнему отводят преобразованной системе банков. Банкиры должны стать незаинтересованными организаторами общественного хозяйства. Вся совокупность экономических мероприятий общества должна быть направлена как к своей основной цели — к перераспределению орудий труда в соответствии со способностями. К той же цели должна вести и реформированная система образования.

Конечным идеалом сен-симонистов в эти годы, как и в «Изложении учения», остается всемирная ассоциация. Первым этапом на пути к ней должен быть союз трех стран — Англии, Франции и Германии. Эти государства должны распределить между собою цивилизаторские функции по отношению к другим народам. Такой союз, полагают сен-симони-

сты, будет иметь своим результатом разоружение. А экономия на вооружениях позволит приступить к осуществлению дорожных хозяйственных предприятий: построить железных дорог, прорыть Суэцкий и Панамериканский каналы, улучшить судоходство. Для Франции сен-симонисты намечают более детальный план ее индустриализации, предусматривающий, между прочим, развитие горнорудной промышленности, рост добычи угля и железной руды, ирригацию, осушку болот и т. д.

В сен-симонистской системе, как она дана в «Изложении учения», идея социального преобразования и идея экономического прогресса тесно связаны. «Человек, — говорят они, не будет более эксплуатировать человека, но человек, вступивший в товарищество с человеком, будет эксплуатировать мир, отданный ему во власть». Однако среди сен-симонистов, по-видимому, всегда были люди, для которых центр тяжести учения лежал во второй части формулы — не в уничтожении эксплуатации человека человеком, а в плановой эксплуатации мира. В журнале «Le Producteur», о котором мы уже говорили, можно найти известную тенденцию к идеализации проектов обширной ассоциации капиталистов для сознательного и планомерного направления капиталов на научно продуманные экономические начинания. Правда, автор этого проекта (Руан) напоминает, что ассоциация должна обратить особое внимание на положение рабочих. Но все же речь идет здесь несомненно о плановом эконо-

Мическом прогрессе в рамках капитализма. Те же идеи капиталистической индустриализации еще явственнее выражены в журнале «Le Globe» в 1832 г. Наличие в сен-симонистской литературе таких тенденций было как бы предвестником предстоявшего в последующие годы перехода большинства сен-симонистов на буржуазные позиции.

II

В 1831 г. среди сен-симонистов произошел раскол. Раскол был вызван непосредственно не разногласиями по вопросам социальной политики, а расхождениями в вопросах организации сен-симонистской «церкви». Религиозные интересы, всегда игравшие заметную роль в сен-симонистском движении, с каждым годом приобретали в жизни сен-симонистской организации все большее значение. Сен-симонистская школа постепенно перерастала в «церковь». Уже в 1829 г. религиозные мотивы, несомненно имевшиеся в наследии Сен-Симона (особенно в «Новом христианстве»), выдвигаются в сен-симонистской школе на первый план. Споры о существовании бога, о равноправии духовного и плотского начал (реабилитация плоти) и об общественных функциях женщины вызвали в этом году отход от сен-симонистов Бюше. Выступивший против Бюше Базар защищал пантеистическое понимание бога: бог существовал не только духовное, но и материальное (Dieu-matière). Базар не без основания обвинял диссидентов в возврате к ортодоксальному католицизму.

С защитой сен-симонистской религии от сторонников ортодоксальных религиозных традиций выступил также Анфантен. Анфантен так характеризовал отношения между христианством и сен-симонизмом: христианство — религия горя, ибо оно возникло и господствовало, когда массы были несчастны; сен-симонизм — религия радости, ибо с его торжеством общество будет организовано в интересах масс.

Тот же 1829 г. должен быть отмечен в истории сен-симонизма как год создания первоначальной организации сен-симонистской «церкви»: в январе 1829 г. Анфантен и Базар были объявлены верховными вождями «церкви». Через год, в 1830 г., сен-симонисты создали церковную иерархию с высшим советом (le college), с апостолатом и неофитами. В этот период выступления сен-симонистов, в особенности выступления «верховного отца» Анфантена все более проникаются религиозным пафосом: не случайно произведения этого периода были объединены сен-симонистами под общим названием «Проповеди» («Prédications»).

«Церковь» ввела для своих членов униформу, организовала совместные трапезы. Но в пределах этой новой церкви назревали внутренние конфликты. Анфантен не считал разработку доктрины законченной «Изложением учения». В частности он полагал, что существенного дополнения требует учение об иерархии. Сен-симонисты признавали равенство полов в религиозном, политическом и моральном

отношении. Но они, полагал Анфантен, не сделали из этого принципа всех вытекающих из него выводов. Качества природы мужчины и женщины значительно отличаются друг от друга. Полнота человеческой жизни может быть поэтому достигнута лишь в их соединении. Если это так, то отсюда следует, что для руководства жизнью человечества, для возглавления общественной иерархии необходимы два человека: мужчина и женщина (*prêtre et femme-prêtre*), связанные целомудренным браком. В области отношений между полами Анфантен, подобно Фурье, развил идею допустимости различных типов половых связей и объявлял одинаково законными и постоянными и временными браки. Первосвященническая пара (*Couple sacerdotale*) должна была, по теории Анфантена, иметь возможность вмешиваться в самые интимные стороны жизни «верных». *Couple sacerdotale* должна знать все душевные движения детей, чтобы иметь возможность всеми средствами направлять их к единой цели. Против этих новых моральных и организационных идей выступил Базар. В июле 1831 г. разногласия между Базаром и Анфантеном были вынесены на решение коллегии. Базар обвинял Анфантена в том, что, оправдывая все человеческие склонности, он разрушает понятие добра и зла; в том, что он проповедует беспорядочное смешение полов; в том, что, подчиняя все движения низших воле высших, он подавляет всякую свободу, человеческое достоинство и самостоятельность индивидов. В ноябре 1831 г. спор закончился

выходом из «церкви» Базара и его сторонников. Анфантен остался впереди до подыскания *femme-prêtre* единственным вождем «церкви». Но раскол нанес сен-симонистской школе непоправимый удар.

III

Обращаясь со своим призывом ко всем классам, сен-симонисты не раз пытались привлечь к себе рабочих. Несмотря на глубокий внутренний кризис, переживавшийся сен-симонизмом в 1831 г., именно этот год отмечен усилением сен-симонистской пропаганды среди рабочих. По-видимому, сен-симонисты испытывали некоторое разочарование: их обращения к высшим классам не давали ожидаемых результатов. «Буржуа и ученые ушли от меня, — говорил Анфантен, — мы — пролетарии (*peux hommes proletaires*)». Идя навстречу интересам аудитории, сен-симонисты, выступая перед рабочими, выдвигали на первый план социальные тенденции своей системы. Так как большинство новых adeptов нуждалось не только в духовной пище (среди них было немало безработных), то у сен-симонистов возникла мысль об оказании им материальной помощи. Эта попытка материальной помощи, выразившаяся в организации потребительских коммун, кооперативных мастерских и т. п., представлялась, вероятно, сен-симонистам в то же время попыткой реализации той части их социальной доктрины, которая могла быть реализована при существующих условиях. В действительности во всех этих организациях было

очень мало специфически сен-симонистского. Каждый член коммуны должен был сдавать в коммуну все свои доходы и получал в ней жилье и общий стол. В коммуны шли по преимуществу либо безработные, либо люди, имеющие недостаточный заработок. Коммуны приносили убыток. Так, доход одной коммуны составлял 655 франков при расходе в 2092 франка. Так же убыточны были и кооперативные мастерские.

Рабочие составляли в сен-симонистской иерархии особый «Разряд рабочих» — *Degré des ouvriers*. С большим энтузиазмом относился к делу организации рабочих Фурнель, который являлся директором *Degré des ouvriers*. По его расчетам в октябре 1831 г. в *Degré* состояло 330 «верных» и 1500 «ассистентов», по большей части ремесленных рабочих. Число желающих попасть в сен-симонистские рабочие организации было значительно больше, чем они были в состоянии принять. Но эти успехи были непрочны. Рабочие относились очень подозрительно к религиозной стороне сен-симонистского учения. Кое-где склонны были видеть в сен-симонистской религии «новый маневр иезуитов»¹⁴⁴. Отталкивали также рабочих сен-симонистские идеи иерархии и теократии, антидемократизм и авторитаризм сен-симонистской организации. Рабочие чувствовали себя неполноправными в сен-симонистской «церкви» и требовали установления

организации равенства. Они открыто выражали сомнения в разумности такого порядка, при котором «избранные» определяли положение в обществе всех остальных граждан, рабочие организации сен-симонистов не обпадали, таким образом, внутренней устойчивостью.

Бессилие сен-симонистов привлечь к себе широкие народные массы обнаружилось очень скоро. Это бессилие, обусловленное самим ощущением теории, неизбежно должно было привести в дальнейшем к разложению сен-симонизма, к вырождению школы Сен-Симона в маловлиятельную секту. В апреле 1832 г. сен-симонисты, оставшиеся верными Анфантену, образовали в Менильмонтане трудовую коммуну. Этот «уход от мира» был возведен как начало нового большого дела, как подготовка к «апостолату», который должен был показать миру всю ценность сен-симонистской доктрины. В действительности он был симптомом разочарования в результатах сен-симонистской пропаганды, симптомом приближающегося конца сен-симонизма. Это мирное умирание сен-симонизма было прервано в августе 1832 г. судебным процессом. Предав сен-симонистов суду по обвинению в нарушении законов об обществах и в преступлениях против нравственности, правительство предоставило им возможность еще раз выступить публично с изложением их доктрины. Речь Анфантена на суде 28 августа 1832 г. была по существу последним прощальным выступлением сен-симонистской школы. Она в сжатой форме

¹⁴⁴ С. Bouglé. *Chez les prophètes socialistes*. Paris, 1918, p. 14.

резюмировала основные положения школы. В ней уделено значительное внимание вопросам морали и религии, функциям первосвященника (prêtre) и реабилитации плоти. Но в то же время она содержит представляющие интерес соображения по вопросу о собственности, напоминающие о лучших временах сен-симонизма. Современная конституция собственности, говорил он, имеет своим результатом наследственную нищету и наследственную праздность. Собственность как право, основанное на рождении, должна перестать существовать. Этого требует прогресс общества. Но трансформация собственности должна происходить мирно, добровольно, с применением всех возможных способов вознаграждения. Пока рождение является принципом передачи богатства и политической власти, все системы гарантии будут только порождать и поддерживать деспотизм.

После процесса сен-симонистская «церковь» формально прекратила свое существование. Сен-симонизм как социально-политическое течение вскоре утратил всякое влияние. Некоторые сен-симонисты перешли к фурьеризму. Некоторые, покинув ряды сен-симонистов, создали свои собственные социальные системы: Бюше, Леру, Пеккер, Конт.

Большинство сен-симонистов, освободившись от своих былых социалистических мечтаний, оказались в редакциях буржуазных газет или нашли себе место в рядах ответствен

ных работников финансового и индустриального мира. «Отщепенцы» буржуазной интеллигенции, отказавшись от своих былых социальных мечтаний, вновь вернулись в свою естественную социальную среду, превратившись в горячих пропагандистов идей буржуазного индустриализма. После революции 1848 г. их можно было видеть даже среди видных деятелей императорского режима. Но историческое значение сен-симонистской школы этим, конечно, не умаляется. В лучшие годы своей деятельности она сумела создать продуманную, логически цельную социальную систему, занимающую в истории социалистической мысли весьма значительное место. Своей пропагандой она, несомненно, содействовала распространению социалистических идей во Франции. Среди социальных мыслителей следующего периода мало людей, не испытывавших на себе в той или иной степени влияния сен-симонизма.

БИБЛИОГРАФИЯ

- К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Сочинения, т. 3.
- Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIV.
- Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке. М., 1940.
- Арк. А-н (А. Аннекштейн). Анри де Сен-Симон, его жизнь и учение. М.—Л., 1926.
- Виппер Р. Социальная философия сен-симонизма. «Мир божий», 1901, № 12.
- Иванов И. Сен-Симон и сен-симонизм. М., 1901. «Изложение учения Сен-Симона». М., 1947.
- Плеханов Г. В. Французский утопический социализм. Сочинения, т. XVІІІ. М.—Л., 1925.
- Сен-Симон. Избранные произведения, т. 1—2. М., 1948.
- Чичерин Б. Н. Сен-Симон и его школа. «Вопросы философии и психологии», 1901, XI—XII.
- Allemagne H. R. d'. Les saint-simoniens. 1827—1837. Paris, 1930.
- Broué P. Un saint-simonien dans la reigne politique. Laurent d'Ardeche. Lyon. «Cahiers d'histoire». 1957, t. II, N 1.
- Booth A. J. Saint-Simon and saint-simonism. London, 1871.
- Bouglé C. Chez les prophetes socialistes. Paris, 1918.
- Carnot H. Doctrine saint-simoniëne. Resumé general... Paris, 1831.
- Charlëty S. Enfantin. Paris, 1930.

- Charlëty S. Histoire du saint-simonisme (1825—1864). Paris, 1931.
- Doctrine de Saint-Simon Exposition. Paris, 1829—1830; Doctrine saint-simoniëne. Paris, 1854, Последнее издание первого года лекций под редакцией Бугле и Алеви—Paris, 1924.
- Dondo M. The French Faust. New York, 1955.
- Durkheim E. Le socialisme. Sa définition, ses débuts. La doctrine saint-simoniëne. Paris, 1928. «Le Globe». Paris. 1830—1832.
- Fournel H. Bibliographie saint-simoniëne. De 1802 au 31 décembre 1832. Paris, 1833.
- Janet P. Saint-Simon et le saint-simonisme. Paris, 1878.
- Leroy M. La vie veritable du comte Henri de Saint-Simon. Paris, 1925.
- Muckle F. Henri de Saint-Simon. Die Persönlichkeit und ihr Werk. Jena, 1908.
- F. E. Manuel. The new world of Saint-Simon. Cambr., Mass, 1956.
- Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin. Paris, 1865. «Le Producteur». Paris, 1825—1826. «Prédications». Paris, 1830—1832. «Revue d'Histoire économique et sociale», 1925, № 2. Numéro special, consacré a Saint-Simon.
- Saint-Simon. Oeuvres choisies, vols I—III. Bruxelles, 1859.
- Salomon G. Saint-Simon und der Sozialismus. Berlin, 1919.
- Stein L. von. Der Sozialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs. Leipzig, 1842.
- Spühler W. Der Saint-Simonismus. Lehre und Leben von Saint-Amand Bazard. Zürich, 1926.
- Warschauer O. Zur Entwicklungsgeschichte des Sozialismus. Berlin, 1909.
- Weill G. L'ecole saint-simoniëne, son histoire, son influence jusqu'à nos jours. Paris, 1896.
- Weill G. Sain-Simon et son oeuvre. Paris, 1894.